2.

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ

СТАРАГО КАВКАЗСКАГО ВОИНА.

—

Мнѣ было одиннадцать лѣтъ, когда я поступилъ въ неранжированную роту перваго кадетскаго корпуса, а братья мои, средній девяти и меньшой осьми лѣтъ, были опредѣлены въ малолѣтное отдѣленіе.

Добрый, почтенный нашъ отецъ, прежній сподвижникъ Суворова, за ранами бывшій уже въ отставкѣ, не смотря на болѣзненное свое состояніе, ежегодно послѣ уборки хлѣба пріѣзжалъ навѣстить насъ въ Петербургѣ. Очень грустно вспомнить, что не много доставляли мы радости ему; въ особенности же я, на котораго какъ на старшаго возлагалъ онъ всю надежду, былъ величайшій шалунъ. Однако жъ освѣдомившись, что я учился довольно прилежно и что всѣ шалости мои происходили отъ вѣтрености и безпечности, онъ утѣшался мыслію, что съ лѣтами все пройдетъ, и въ увѣщаніяхъ своихъ всякой разъ повторялъ, что Богъ, по милости своей, вѣрно не допуститъ дѣтей его быть безчестными людьми; что можетъ-быть и надѣлаютъ они много глупостей, но вѣрно

никогда не будутъ трусами и не сдѣлаютъ ни какого подлаго поступка. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ онъ намъ служить, и непремѣнно служить въ военной службѣ, до послѣдняго изнеможенія и истощенія силъ своихъ.

Между-тѣмъ время шло. Наступилъ незабвенный 1812 годъ, непріятель вторгнулся въ Россію. Батюшка писалъ къ намъ, что не взирая на лѣта и увѣчье свое, онъ поступилъ въ ополченіе, и хотя не имѣетъ возможности стать въ ряды воиновъ для защиты отечества, но по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ, будетъ способствовать къ приготовленію и образованію поступающихъ въ дѣйствительную службу.

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ. Можно вообразить какъ страстно хотѣлось мнѣ поскорѣй вырваться изъ корпуса и поступить *въ число защитниковъ отечества*; въ особенности же манифестъ и извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій, о пріемѣ сдѣланномъ Государю въ Москвѣ, о повсемѣстномъ вооруженіи, о готовности всѣмъ жертвовать для защиты отечества, все это такъ воспламенило меня, что я готовъ былъ выйти изъ корпуса, хоть простымъ солдатомъ. Товарищей, столь же восторженныхъ какъ я, нашлось много, и мы въ премудрыхъ нашихъ совѣщаніяхъ рѣшились было надѣлать какихъ-нибудь важныхъ проказъ, чтобы насъ выписали солдатами въ дѣйствующую армію; но къ счастію, разсудительный и всѣми уважаемый

фельдфебель нашей роты успѣлъ насъ образумить. Онъ растолковалъ, что всего лучше для достиженія цѣли нашей усилить прилежаніе, приготовиться къ экзамену и поступить офицерами въ дѣйствующую армію, а не солдатами въ какіе-нибудь дальніе гарнизоны, куда насъ выключатъ за проказы наши. Это послѣднее замѣчаніе и предупрежденіе нашего фельдфебеля, что за проказы выпишутъ солдатами не въ дѣйствующую армію, а въ дальніе гарнизоны, сильно подѣйствовало: мы стали неутомимо заниматься, выдержали испытаніе какъ нельзя лучше, и въ началѣ 1813 года я произведенъ былъ въ офицеры.

Но къ несчастію, желаніе наше не вполнѣ исполнилось: дѣйствующая армія выступила уже тогда за границу; мы были отправлены въ резервную армію, подъ начальство князя Лобанова. Тамъ распредѣлили насъ въ резервы пѣхотныхъ полковъ, формировавшихся на безпрерывномъ маршѣ изъ внутреннихъ губерній къ границѣ и перешедшихъ тогда въ Варшаву. Намъ неудалось и видѣть непріятеля.

Должно признаться, что когда получено было извѣстіе о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы и нашему полку предписано было выступить за границу, я на радости, на одномъ пріятельскомъ балѣ въ небольшомъ польскомъ городѣ, гдѣ мы стояли, выпилъ нѣсколько лишнихъ рюмокъ ви-

на и послѣ такъ охотно и шумно танцовалъ мазурку, что полковой командиръ прислалъ ко мнѣ адъютанта посовѣтовать отправиться домой, а я въ веселомъ расположеніи не скоро послушался добраго совѣта, и за то прямо съ пріятельскаго бала командированъ былъ на гауптвахту, гдѣ погостилъ нѣсколько дней, обдумывая и составляя планы о предстоящихъ мнѣ подвигахъ въ открывающуюся кампанію; но и этимъ планамъ не было предназначено свершиться. Неугомонный Наполеонъ не хотѣлъ подождать насъ; онъ бросился на Англичанъ и Прусаковъ, и они одни все дѣло окончили, такъ, что когда мы подвигались къ границамъ Франціи, Наполеонъ отправился уже путешествовать на островъ Святой Елены. Опять неудача, думалъ я съ досадою. Къ довершенію моего несчастія, не было даже и въ виду ни какой надежды, чтобы формулярный списокъ мой украсился описаніемъ какихъ либо сраженій съ непріятелемъ. Все постепенно успокоилось; ни какой и ни съ кѣмъ войны не предвидѣлось, и кампанія, въ продолженіи которой я надѣялся надѣлать чудеса, окончилась только большимъ смотромъ всей арміи подъ Вертю.

Соединеніе всей нашей арміи для общаго смотра было весьма хорошо обдуманнымъ и подготовленнымъ урокомъ для множества иностранцевъ, собравшихся съ разныхъ сторонъ. Послѣ упорной,

кровопролитной, продолжительной кампаніи отъ Нѣмана до Москвы, и оттуда до Парижа, вскорѣ потомъ опять явилась среди Франціи новая, многочисленная и во всѣхъ отношеніяхъ отлично устроенная армія. Это конечно заставило многихъ пріятелей и доброжелателей нашихъ призадуматься и сознаться, что шутить съ Русскими нельзя. Съ чувствомъ вполнѣ удовлетворенной національной гордости, смотрѣлъ я на иностранцевъ и повторялъ стихи Державина:

Былъ врагъ Кипчакъ: и гдѣ Кипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ: и гдѣ тѣ Ляхи?
А Русъ! Всякъ знай, мотай себѣ на усъ!

Вотъ случай, думалъ я, прибавить теперь къ этимъ стихамъ тоже о Галлахъ, Вельхахъ, и проч. Всѣ испытали, каково тягаться съ Русскими.

Нашъ полкъ поступилъ въ корпусъ, оставленный во Франціи, подъ начальствомъ графа Воронцова. Это время, почитаю я самою счастливѣйшею эпохою въ моей жизни; здѣсь я имѣлъ возможность нѣсколько усовершенствовать довольно поверхностное корпусное свое образованіе; скоро сблизился съ французскимъ языкомъ посредствомъ практики и лексикона. Въ книгахъ не было недостатка; въ городѣ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, была публичная библіотека; при томъ же и покупка книгъ стоила не дорого; жалованье и раціоны получаемые офицерами

были значительны, а издержки на содержаніе маловажны. Корпусный командиръ, графъ Воронцовъ, распорядился какъ нельзя лучше для поддержанія русской самобытности и отстраненія ввѣреннаго ему войска отъ сближенія съ Французами. Онъ употребилъ всѣ способы для сохраненія нравственнаго и тѣлеснаго русскаго здоровья: для солдатъ по его распоряженію приготовлялся русскій квасъ, черный хлѣбъ, кислая капуста, и устроены были особыя русскія бани; для собранія офицеровъ учрежденъ отдѣльный, такъ называемый русскій клубъ, гдѣ за самую дешевую цѣну имѣли они обѣдъ, ужинъ, чай и кофе, могли читать даромъ всѣ русскіе и лучшіе французскіе газеты и журналы. Утро было посвящено службѣ: солдатъ учили стрѣлять въ цѣль, дѣлать быстрыя построенія изъ фронта въ ротныя и батальонныя колонны; маневры бригадами и дивизіями представляли видъ настоящаго сраженія; стрѣлковъ учили пользоваться мѣстоположеніемъ во время маневровъ; на маршѣ учили устроивать быстро кареи; объясняли правила, какъ защищаться пѣхотѣ отъ нападеній кавалеріи; съ невѣроятною скоростію наводили и снимали понтонные мосты, и прочая. Словомъ, графъ Воронцовъ пріобрѣлъ право на вѣчную признательность всѣхъ, кто служилъ подъ его командою.

Вскорѣ по возвращеніи нашемъ въ Россію, послѣдовало новое распредѣленіе полковъ по диви-

зіямъ. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ кавказскій корпусъ, на смѣну бывшаго въ томъ корпусѣ полка.

По прибытіи нашемъ къ мѣсту новаго назначенія, узнали мы, что командиръ кавказскаго корпуса былъ уполномоченъ выбрать и опредѣлить въ нашъ полкъ всѣхъ, кого онъ заблагоразсудитъ, изъ полка возвращающагося въ Россію. Такимъ образомъ нашъ полкъ былъ вполнѣ составленъ и укомплектованъ изъ самыхъ отборныхъ молодцовъ какъ нашего такъ и выступавшаго въ Россію полка; и не только ротные и баталіонные командиры, но и сами полковые начальники были перемѣнены: нашъ полковникъ принялъ возвращающійся въ Россію полкъ, въ неполныхъ кадрахъ, а полковой командиръ того полка сдѣлался нашимъ начальникомъ.

Я былъ въ отчаяніи, опасаясь что меня отправятъ назадъ въ Россію, и опять не свершится странное мое желаніе видѣть въ формулярномъ моемъ спискѣ въ графѣ «былъ ли въ дѣйствительномъ сраженіи», *находился въ такихъ-то и такихъ сраженіяхъ, отличился такимъ-то подвигомъ и раненъ тамъ-то.* Болѣе всего хотѣлось мнѣ быть *раненымъ*. Такое желаніе можетъ казаться страннымъ и невѣроятнымъ, но съ самаго мололѣтства моего видѣлъ я, съ какимъ уваженіемъ обходились сосѣди на-

ши съ израненымъ моимъ отцемъ, слышалъ часто разсказы о его военныхъ подвигахъ и, признаюсь, съ какою-то завистью смотрѣлъ на его раны.

Чтобы предупредить несчастіе моего возвращенія, я рѣшился идти прямо къ новому своему начальнику убѣдительнѣйше просить его оставить меня, не отправлять назадъ въ Россію.

Рано утромъ явился я къ нему.

Новый командиръ нашъ, человѣкъ уже довольно пожилой, былъ не совсѣмъ привѣтливаго и веселаго нрава, и вообще, какъ я слышалъ, былъ въ большомъ противъ насъ предубѣжденіи, называлъ насъ бѣлоручками, Французами. Онъ принялъ меня не весьма ласково.

— Что вамъ угодно, сказалъ онъ угрюмо.

Я началъ было говорить ему, что имѣю къ нему убѣдительнѣйшую просьбу, но онъ не дослушалъ, и смотря на меня пристально, спросилъ какъ моя фамилія.

— Славской, отвѣчалъ я.

— Какъ Славской! да не сынъ ли вы Ивана Никифоровича Славскаго?

— Точно такъ, я сынъ его.

При этихъ словахъ онъ бросился ко мнѣ на шею и началъ цѣловать; потомъ остановившись и посмотрѣвъ мнѣ прямо въ глаза, сказалъ.

— Да и я какъ глупъ! что тутъ разспрашивать! надобно посмотрѣть, чтобъ тотчасъ узнать, что это сынъ Ивана Никифоровича. Однакожъ и ты, братецъ, что за сахаръ-медовичъ такой, за чѣмъ же ты не пришелъ тотчасъ ко мнѣ и не сказалъ, что ты сынъ Ивана Никифоровича? Настоящій ты братъ Французъ! все ощипки да оглядки! не такъ надобно поступать сыну Ивана Никифоровича. Да постой, постой! съ какою ты просьбою пришелъ ко мнѣ? неужели хочешъ осрамить своего отца, неужели ты трусишь оставаться съ нами и пришелъ ко мнѣ просить, чтобы тебя отправили назадъ.

— Помилуйте полковникъ! совсѣмъ напротивъ, отвѣчалъ я. Именно объ этомъ-то я и пришелъ убѣдительнѣйше просить васъ, чтобы меня оставили и не отправляли назадъ.

— Ну вотъ братъ молодецъ! этого-то и ожидалъ я отъ сына Ивана Никифоровича.

И съ этимъ словомъ онъ бросился снова цѣловать меня.

— Ну, давай руку, мой любезный, и слушай первое приказаніе своего командира: не далѣе, какъ сейчасъ же, вели перенести всѣ свои пожитки ко мнѣ, мы будемъ жить вмѣстѣ, и я съ первою же почтою напишу къ отцу твоему, истинному моему благодѣтелю, что я и не знаю какъ

благодарить Бога, зато что онъ прислалъ ко мнѣ молодого Ивана Никифоровича. Да ты, братецъ, не можешъ представить, какъ ты на него похожъ. Ну, вотъ, продолжалъ полковникъ, осматривая и поворачивая меня со стороны на сторону, такъ и вижу добраго моего почтеннаго отца и командира, то есть именно отца.... я разскажу тебѣ все, что онъ для меня сдѣлалъ.... однакожъ я удивляюсь, что онъ не сказалъ тебѣ обо мнѣ, когда ты сюда отправлялся.

— Я заѣзжалъ къ нему на самое короткое время. Притомъ же, признаюсь вамъ откровенно, прибавилъ я, мнѣ и въ голову не приходило, что съ нашимъ полкомъ будетъ то, что теперь сдѣлалось, то есть, что всѣхъ насъ такъ разтасуютъ. Я такъ люблю мою роту, что ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы съ нею разстаться.

— Да зачѣмъ же и разставаться, сказалъ полковникъ. Я возьму всѣхъ, кого ты назначишъ, выкинь только отъ себя всякую дрянь, негодяевъ, Французовъ, которые вѣрно есть у тебя, потому что разумѣется, въ семьѣ не безъ урода; а я тебѣ вмѣсто ихъ подбавлю своихъ багатырей, и у тебя будетъ чудесная рота; ты братъ на самомъ дѣлѣ увидишъ, что у насъ за молодцы. Вы Французы или полу-Рускіе, то есть не ты, потому что не можетъ-быть, чтобы сынъ Ивана Никифо-

ровича былъ не настоящимъ Русскимъ, — вы не имѣете понятія, что значитъ здѣшній солдатъ; для него нѣтъ ничего невозможнаго: зато какія чудеса можно дѣлать съ ними. Покойный благодѣтель мой, князь Павелъ Дмитріевичъ (Циціановъ), вселилъ этотъ духъ въ здѣшнихъ офицеровъ и солдатъ, а нынѣшній нашъ корпусный командиръ Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) умѣлъ мастерски не только поддержать, но и усилить этотъ духъ. Когда ты съ нами болѣе поживешъ и обуркаешься, то самъ услышишъ и увидишъ, какіе чудеса здѣсь дѣлаются и къ чему способенъ русскій солдатъ. Однакожъ соловья баснями не кормятъ; слушай команду: маршъ сейчасъ домой, вели ту же минуту своему деньщику явиться ко мнѣ со всею твоею поклажею, а самъ собери роту свою, которая вѣрно тебя любитъ, потому что ты ее любишъ,—сердце сердцу вѣсть подаетъ; скажи своимъ ребятамъ, что ты съ ними не разстаешься. Приготовь мнѣ рапортъ, сколько именно нужно тебѣ людей для полнаго укомплектованія твоей роты. Да постой, постой; прибавилъ онъ догоняя меня. Я обѣдаю по русскому старинному обычаю равно въ двѣнадцать часовъ; смотри не опоздай: я очень сердитъ, когда голоденъ.

Новый командиръ мой чрезвычайно понравился мнѣ своимъ простымъ обращеніемъ и прямодушіемъ. Мнѣ хотѣлось на первый случай показать

ему точность и исправность въ исполненіи данныхъ приказаній. Тотчасъ по возвращеніи домой отправилъ я деньщика со всѣми моими пожитками къ полковнику, а фельдфебелю приказалъ собрать роту. Объявленіе мое, что мы всѣ остаемся по прежнему въ настоящемъ нашемъ составѣ и не разстанемся другъ съ другомъ, было принято съ полною радостію. Громогласное ура! раздалось по рядамъ моей роты, и я внутренно порадовался единодушной привязанности ко мнѣ офицеровъ и солдатъ. По совѣщанію съ взводными офицерами и фельдфебелемъ выбрали мы изъ своей роты не болѣе десяти человѣкъ, слабосильныхъ, сухопарыхъ и слабыхъ здоровьемъ, потому что пьяницъ, воровъ и негодяевъ у меня въ ротѣ, слава Богу, не было. Я объявилъ имъ, что намъ должно проститься, и что они поступаютъ въ составъ полка возвращающагося въ Россію: они убѣдительно просили меня оставить ихъ; нѣкоторые говорили, что хотя они и худощавы, но сильнѣе можетъ быть иного толстяка; другіе, что они не успѣли еще поправиться послѣ болѣзни и отъ того кажутся слабосильными; словомъ изъ десяти назначенныхъ къ исключенію, долженъ я былъ по неотступной ихъ просьбѣ и ходатайству офицеровъ и фелдфебеля оставить шесть человѣкъ. Дѣла мои по ротѣ были скоро окончены, и я явился къ полковнику еще прежде назначеннаго мнѣ срока.

— Ну что братъ, ты успѣлъ уже все сдѣлать? спросилъ меня полковникъ при входѣ моемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ подавать обѣдать.

— Все, отвѣчалъ я; рота моя въ восторгѣ, что вы принимаете насъ въ полномъ нашемъ составѣ. Вы увидите какъ мы славно будемъ служить, только дайте намъ нѣсколько вашихъ старичковъ дядюшекъ, потому что мы еще рекруты для здѣшней службы... а вотъ и рапортъ сколько нужно людей для полнаго укомплектованія моей роты. — Хорошо, хорошо, я очень радъ, что ты исправный исполнитель по службѣ, сказалъ полковникъ принимая мой рапортъ. — Ты братъ и въ дѣлѣ не будешъ отставать. Ну да что и толковать! ты какъ я вижу, во всемъ похожъ на отца, а я тебѣ дамъ такихъ молодцевъ, что ужъ могу отвѣчать за нихъ, они не ударятъ лицемъ въ грязь.

Въ это время вошелъ полковой адъютантъ. Полковникъ передалъ ему мой рапортъ и велѣлъ отдать въ приказъ, назвавъ поимянно солдатъ, которыхъ назначилъ онъ перевесть въ мою роту.

— Ты, какъ я вижу, удивляешься, что я прямо поимянно называю кого перевесть къ тебѣ, сказалъ полковникъ: здѣсь служба совсѣмъ не такова, какъ, можетъ быть, была у васъ тамъ во Франціи; я безпрестанно бываю съ своими ребятишками, всѣхъ ихъ знаю поимянно, и со многими изъ нихъ мы побратались на полѣ

чести. Ну, да полно объ этомъ толковать; щи простынутъ. Эй! подавай водку. Сядемъ обѣдать.

За столомъ было насъ человѣкъ двадцать штабъ и оберъ офицеровъ, но все изъ прежняго полка, а Французовъ, какъ полковникъ называлъ офицеровъ нашего полка, всего только двое, я и бывшій полковой нашъ адъютантъ, который исправностію, точностію въ исполненіи и проворствомъ, съ самаго начала понравился полковнику, и онъ оставилъ его въ томъ же званіи.

— А я за тебя поссорился было съ новымъ моимъ знакомымъ господиномъ адъютантомъ, сказалъ полковникъ, опорожнивъ полную тарелку щей. Послѣ того, какъ ты ушелъ отъ меня, я сталъ перечитывать поданные мнѣ ваши офицерскіе списки, потому что мнѣ было досадно на себя, какъ я просмотрѣлъ твою фамилію. Славской, Славской... Да это самое драгоцѣнное для меня имя, и его-то я пропустилъ читая списки. Я сталъ ихъ вновь пересматривать, и что жъ? въ самомъ дѣлѣ, я очень легко могъ пропустить твою фамилію; ни кто не разберетъ что тамъ навараксано, «Сланской, Слонской, Слипской, Сливской», какъ хочешь читай. Безтолковый Французъ, вашъ полковой писарь, такіе каракули поставилъ, что ни на что не похоже. Нѣтъ господинъ адъютантъ, прошу сказать ему, чтобы онъ со мною не ссорился; чтобы

онъ изволилъ писать не потарабарски, а по русски, то есть, чтобы каждую букву выставлялъ не французскимъ, а русскимъ почеркомъ, такъ, чтобы я могъ читать безъ остановки. Учитель мой, при вступленіи моемъ въ службу, ротный нашъ писарь, былъ мастеръ своего дѣла: у него, бывало, всякая буква такъ ясно и разборчиво написана, какъ будто напечатана; вотъ такъ совѣтую и ему писать. Теперь у васъ стали все ученые; не такъ бывало въ старину. Я помню, что когда я опредѣлился въ службу, во всей нашей ротѣ были грамотные только старшій сержантъ, да ротный писарь, которому благодѣтель мой, отецъ вотъ этого молодца, продолжалъ полковникъ, показывая на меня, поручилъ ознакомить меня, съ русскою грамотою. Нельзя право вспомнить равнодушно, прибавилъ онъ, чѣмъ я обязанъ моему благодѣтелю, и что бы я такое былъ безъ него? Вы господа молодые люди, воспитанные въ кадетскихъ корпусахъ, не имѣете понятія о русскихъ мелкопомѣстныхъ дворянахъ. Я въ примѣръ поставлю моего покойнаго отца: насъ было у него шесть сыновей и четыре дочери, а крестьянъ, мужскаго и женскаго пола, всего на все восемь душъ. Старикъ мой, отставной Фендрикъ (такъ назывались встарину прапорщики), долженъ былъ оставить службу за ранами, полученными въ прусскую войну. Возвратясь на родину и видя ежегодное приращеніе своего семейства, онъ дол-

женъ былъ по необходимости, чтобы прокормить насъ, приняться самъ за соху: старшіе братья мои помогали ему, и я, бывши парнемъ лѣтъ шестнадцати, также пріучался къ полевымъ работамъ. Тогда Богъ принесъ благодѣтеля моего Ивана Никифоровича съ ротою его на квартиры въ наше село. Я какъ то по счастію понравился ему, и онъ уговорилъ моего отца записать меня къ нему въ роту. Правду сказать, хорошъ я былъ, когда опредѣлился на службу; на дворянина ни сколько не походилъ, а былъ просто мужикъ, рекрутъ, грамотѣ совсѣмъ не умѣлъ, и ходилъ въ сѣромъ кафтанѣ и въ лаптяхъ; насъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, было множество въ нашемъ селѣ; иные даже были еще бѣднѣе моего отца, и всѣхъ насъ нельзя было различать съ нашими крестьянами,—всѣ мы были одинаково одѣты и работали на равнѣ съ ними. Вотъ въ какомъ положеніи поступилъ я подъ начальство благодѣтеля моего Ивана Никифоровича. Отцу родному нельзя было бы болѣе заняться сыномъ, какъ онъ занимался мною! продолжалъ полковникъ, со слезами на глазахъ. Да и я, признаюсь, полюбилъ его болѣе чѣмъ отца. Долго было бы разсказывать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ я былъ вмѣстѣ съ нимъ подъ его начальствомъ; словомъ, все что я теперь имѣю и чего дослужился, всѣмъ я ему обязанъ, и вѣкъ его не забуду. Онъ довершилъ ми-

лости свои ко мнѣ тѣмъ, что сблизилъ меня съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ; по рекомендаціи его князь перевелъ меня сюда и взялъ къ себѣ въ инспекторскіе адьютанты. Вотъ и это истинный благодѣтель мой, и его въ вѣкъ я не забуду, и его любилъ я какъ отца... Да и нельзя было не любить, такъ прямо и лѣзъ въ душу добротою и молодечествомъ своимъ. Поживите-ка господа съ нами (прибавилъ полковникъ обращаясь ко мнѣ и къ адъютанту), вы на самомъ опытѣ увѣритесь, что великій Суворовъ, съ которымъ я былъ въ Италіи уже офицеромъ и самъ нѣсколько разъ видѣлъ его въ пылу сраженій, не даромъ называлъ русскихъ солдатъ чудо-богатырями. Служа здѣсь, вы также часъ отъ часу болѣе увѣритесь въ томъ, что все зависитъ отъ начальника и что съ русскимъ солдатомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Доказательствомъ этому служатъ князь Циціановъ, Котляревскій и нынѣшній нашъ командиръ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

— О такихъ людяхъ, какъ князь Циціановъ, Котляревскій и Алексѣй Петровичъ и говорить нечего; всѣ объ нихъ знаютъ, сказалъ одинъ штабъ-офицеръ, весьма неуклюжій, загорѣвшій отъ солнца, отъ чего умные быстрые глаза его еще болѣе блестѣли. А досадно то, что множество славныхъ дѣлъ, свершенныхъ молодцами пониже ихъ чинами, никому неизвѣстны; напри-

мѣръ о подвигахъ Карягина кто знаетъ и вспоминаетъ?

— Честь и слава Карягину! прибавилъ нашъ полковникъ. Жаль, что онъ умеръ рано, а то и его имя также бы гремѣло славою, наравнѣ съ прочими нашими генералами. Однакожъ вы господа знаете, что я когда не въ походѣ, то живу какъ русской мужичекъ, люблю уснуть послѣ обѣда. Богъ съ вами, оставайтесь; велите, кто хочетъ, подать себѣ трубки и кофе, а меня пока отпустите не надолго на боковую.

Большая часть гостей полковника разошлись по домамъ, но штабъ-офицеръ говорившій о Карягинѣ остался. Намъ подали трубки и кофе, и мы съ товарищемъ моимъ, полковымъ адъютантомъ, не имѣя ни какого понятія объ Карягинѣ и о подвигахъ его, просили разсказать намъ обо всемъ подробно.

— Извольте, извольте, любезные новые товарищи, отвѣчалъ онъ. Я готовъ исполнить ваше желаніе: для васъ конечно должно быть любопытно знать и объ образѣ здѣшней войны, и о томъ, что иногда предстоитъ не только штабъ-офицеру, но и прапорщику, командированному съ какимъ нибудь отдѣльнымъ отрядомъ, что здѣсь очень часто случается. Однакожъ, господа, вы сами прежде отвѣчайте мнѣ на мои вопросы, гдѣ вы воспитывались и откуда поступили въ офицеры?

— Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ: отвѣчали мы.

— Тѣмъ лучше, давайте руки, любезные товарищи, и я тамъ же воспитывался, и хотя гораздо прежде васъ выпущенъ, но за всѣмъ тѣмъ, если мы и неоднокашники, то все-таки провели нашу молодость въ однѣхъ стѣнахъ.

Новый нашъ товарищъ по службѣ и старый по воспитанію, разспрашивалъ насъ о корпусныхъ офицерахъ и учителяхъ, бывшихъ въ его время и остававшихся еще при насъ; и онъ и мы вспоминали о корпусномъ нашемъ житьѣ бытьѣ. Разговоръ нашъ объ этомъ могъ бы очень долго продлиться, если бы мы опять не повторили просьбы, разсказать намъ о подвигахъ Карягина, о которыхъ мы не имѣли ни какого понятія.

— Съ охотою, отвѣчалъ онъ: тѣмъ болѣе, что я имѣю полное право разсказывать вамъ всѣ подробности, потому что служилъ въ то время подъ начальствомъ Кнрягина; однакожъ предупреждаю васъ, что многое въ разсказѣ моемъ можетъ показаться вамъ преувеличеннымъ и невѣроятнымъ, но будьте увѣрены, что я вамъ говорю сущую правду, именно то, что при мнѣ, въ собственныхъ моихъ глазахъ свершилось.

«Въ бѣдственный для Россіи 1805 годъ, то есть когда было Аустерлицкое сраженіе, и Русскіе, бывшіе почти цѣлое столѣтіе вездѣ и всегда побѣдителями, въ первый разъ испытали неудачу,

или называя вещи настоящимъ ихъ именемъ, потому что, какъ говоритъ пословица—быль молодцу не укора, были разбиты и побѣждены, вздумалось и въ здѣшней сторонѣ любезнымъ нашимъ сосѣдямъ, господамъ Персіянамъ, самимъ собою, или по наущенію агентовъ, присланныхъ къ нимъ отъ Наполеона, позабавиться и потягаться съ нами; захотѣлось имъ бездѣлицы, ничего болѣе, какъ только выгнать насъ изъ добровольно покорившагося Россіи здѣшняго края. Для этого собрали они также бездѣлицу, всего только до семидесяти тысячъ войска. Одна часть этого грознаго ополченія была сосредоточена при Тавризѣ, а другая, подъ начальствомъ и Аббасъ-Мирзы, расположилась въ Ардатѣ, противъ Карабахскаго ханства, отдѣливъ отъ себя сильный корпусъ въ самый Карабахъ, подъ начальствомъ сардаря...сардаря... забылъ его имя, ну да бѣда не велика не знать имени этого сардаря.»

«Персіяне двинулись къ переправѣ черезъ Араксъ, а для защиты этой переправы стоялъ, что нынче генералъ-лейтенантъ, а тогда маіоръ Лисаневичъ, съ отрядомъ изъ трехсотъ человѣкъ егерей и двухсотъ карабахскихъ всадниковъ. Защищаться имъ было не возможно; Лисаневичъ долженъ былъ отступить къ крѣпости Шуши. Князь Павелъ Дмитріевичъ (Циціановъ) предвидѣлъ это еще прежде, и предписалъ закаленному въ бояхъ храбрѣйшему молодцу, шефу семнадцатаго егер-

скаго полка полковнику Карягину поспѣшить на помощь къ Лисаневичу; а у Карягина изъ всего его полка, за откомандированіемъ въ разныя мѣста, оставалось на лицо не болѣе шестисотъ человѣкъ; слѣдовательно и по соединеніи съ Лисаневичемъ весь отрядъ состоялъ бы не болѣе какъ изъ одной тысячи. Но объ этомъ князь Павелъ Дмитріевичъ и не думалъ; онъ зналъ, что Карягинъ, и бывшій подъ его начальствомъ маіоръ Котляревскій (что нынче генералъ отъ инфантеріи), также какъ и Лисаневичъ, будутъ умѣть расправиться съ Персіянами, а потому о неравенствѣ силъ Персіянъ съ Русскими нисколько не безпокоился.»

«Карягинъ, узнавъ объ отступленіи Лисаневича къ крѣпости Шуши, сообщилъ ему предписаніе корпуснаго командира и въ слѣдъ за тѣмъ, выступилъ съ отрядомъ своимъ также по направленію къ Шушѣ; но на маршѣ туда были мы открыты Персіанами. Они густыми толпами начали приближаться къ намъ. Карягинъ построилъ отрядъ свой въ каре, и занимая стрѣлками встрѣтившіяся на пути высоты, продолжалъ предпринятое имъ движеніе къ Шушѣ, но вскорѣ былъ атакованъ Персіянами, тысячъ до трехъ, а у насъ было всего только шестьсотъ человѣкъ и два орудія. Мы отстрѣливались то охотниками, то цѣлымъ каре, и подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ шли верстъ болѣе четырнадцати. Пройдя рѣчку

Аскаранъ, отрядъ нашъ остановился на окопанномъ со всѣхъ сторонъ татарскомъ кладбищѣ, въ разстояніи не болѣе двухъ или трехъ верстъ отъ главнаго лагеря Персіянъ.»

«Отъ усиленнаго марша, при безпрерывномъ отраженіи непріятеля, мы всѣ утомились, можно сказать, до изнеможенія; надобно было хотя не много отдохнуть. Карягинъ приказалъ разбить лагерь на татарскомъ кладбищѣ, бывшемъ въ недальнемъ разстояніи отъ рѣки Аскарана; но лишь только успѣли мы кое какъ расположиться, самъ сардарь атаковалъ насъ. Еще никогда Персіяне не нападали такъ сильно и отчаянно; огонь былъ безпрерывный; сардарь, въ надеждѣ совсѣмъ насъ уничтожить, послалъ сильный отрядъ кавалеріи; но всѣ усилія его были безполезны. Кавалерія была допущена Карягинымъ на самую близкую дистанцію, и потомъ дружнымъ залпомъ артиллерійскихъ орудій и ружей отражена съ большимъ урономъ, чего впрочемъ и должно было ожидать, потому что только Персіянамъ могло войти въ голову посылать въ атаку кавалерію на пѣхотный окопанный лагерь. Сардарь нѣсколько разъ посылалъ на насъ пѣхоту, но и она также не имѣла ни какого успѣха; ничто не могло поколебать и разстроить насъ. Бой продолжался часовъ восемь. День уже склонялся къ вечеру, непріятель также утомился, какъ и мы. Сардарь приказалъ своимъ войскамъ отступить, но на вы-

сотахъ, окружавшихъ нашъ лагерь, устроилъ четыре фалконетныя батареи и открылъ жестокую пальбу. Лагерь нашъ похожъ былъ на осажденную крѣпость: никуда носа нельзя было показать; въ особенности же затруднялъ насъ недостатокъ въ водѣ; къ рѣкѣ можно было подходить, и то съ большою опасностію, съ одной только стороны. Однакожъ мы не унывали. Бодрость духа, хладнокровіе и неустрашимость начальника отряда и помощника его, чудеснѣйшаго Котляревскаго, поддерживали насъ. Мы всѣ единодушно желали пробиться штыками и проложить себѣ путь къ крѣпости Шушѣ; но множество раненыхъ не могли за нами слѣдовать, вести ихъ было не на чемъ, лошадей было такъ много убитыхъ и раненыхъ, что остальныхъ, прибавивъ къ нимъ даже и всѣхъ офицерскихъ верховыхъ лошадей, едва было бы достаточно для подъема пушекъ и зарядныхъ ящиковъ. Нечего было дѣлать, тронуться съ мѣста было невозможно, оставалась надежда на помощь карабахскаго хана. Карягинъ съ общаго нашего согласія рѣшился еще болѣе укрѣпиться въ лагерѣ и ожидать пособія отъ этаго хана; а того мы и не знали, что сынъ его уже измѣнилъ и передался Персіянамъ: такимъ образомъ въ ожиданіи помощи и выручки еще прошли сутки, и убитыхъ и раненыхъ въ нашемъ отрядѣ еще прибавилось, а хуже всего было то, что самъ начальникъ нашъ Карягинъ получилъ двѣ сильныя

контузіи въ голову и въ грудь, и рану пулею въ бокъ, однакожъ слава Богу, довольно легкую. Къ довершенію всего, славный, дѣятельный и ревностнѣйшій помощникъ его Котляревскій, былъ также раненъ пулею въ ногу на вылетъ. Но они оба не унывали, и примѣръ ихъ поддерживалъ бодрость нашего духа. Положеніе наше было весьма и весьма незавидное, и становилось часъ отъ часу хуже; нестерпимый зной истощалъ наши силы, жажда насъ мучила, а выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей не умолкали; но на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна: начальники наши, Карягинъ и Котляревскій, не смотря на раны свои, были безотлучно съ нами, и отрядъ, уменьшенный почти до половины, не унывалъ: мы всѣ усердно работали надъ укрѣпленіемъ нашего лагеря. Сверхъ бывшихъ окоповъ кладбища, Карягинъ составилъ изъ обоза родъ каре, окопавъ его глубокимъ рвомъ. Такимъ образомъ продолжалась оборона. Мы отстрѣливались отъ непріятельскихъ отрядовъ, безпрестанно противъ насъ высылаемыхъ, и чтобы дать имъ остраску и показать, что мы ихъ не боимся, сами дѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ, преслѣдуя обращенныхъ въ бѣгство нашими штыками и выстрѣлами. Въ такомъ положеніи прошелъ еще день, но къ вечеру Персіяне вздумали совсѣмъ отрѣзать насъ отъ воды, для этого они перевели четыре Фалконетныя батареи, на берегъ

ручья, протекавшаго вдоль лѣваго фланга нашего лагеря, откуда мы еще кое-какъ доставали воду. Карягинъ увидѣлъ стѣсненное и опасное наше положеніе и рѣшился отправить сто человѣкъ за ручей, съ тѣмъ, что если и не удастся внезапно быстрою атакою завладѣть батареями, то по крайней мѣрѣ хотя согнать непріятеля съ занятой ими позиціи.»

«Это порученіе возложено было на меня, и я не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить, что за чудесные молодцы русскіе солдаты! Поощрять и возбуждать ихъ храбрость не было мнѣ нужды. Вся рѣчь моя къ нимъ состояла въ нѣсколькихъ словахъ: «Пойдемъ ребята съ Богомъ, перекрестимся и вспомнимъ пословицу, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; умереть же, вы сами знаете, лучше въ бою, чѣмъ въ госпиталѣ. Церковь святая за насъ помолится и родные скажутъ, что мы умерли, какъ должно православнымъ. Ну, ребята, слушай команду, крестись, впередъ съ Богомъ!» Всѣ перекрестились; съ быстротою молніи перебѣжали мы разстояніе отъ лагеря до рѣчки и какъ львы бросились въ бродъ, прямо на непріятельскія батареи. Первая изъ нихъ въ нѣсколько мгновеній была наша; всѣ бывшіе на ней переколоты штыками. Тотчасъ послѣ того, не давъ образумиться бывшимъ на второй батареѣ, скомандовалъ я впередъ и никто не успѣлъ спастись, всѣ пали подъ шты-

ками нашими. Съ третьею батареею недолго намъ было расправляться; почти всѣ бѣжали, однакожь мы успѣли догнать трехъ человѣкъ и я тотчасъ отправилъ ихъ къ начальнику отряда. Оставшаяся за тѣмъ четвертая батарея, досталась намъ безъ всякихъ хлопотъ; храбрые непріятели наши просто кинули орудія и дали тягу. Такимъ образомъ пятнадцать фалконетовъ, дѣлавшихъ намъ большой вредъ, менѣе чѣмъ въ полчаса достались намъ безъ всякаго съ нашей стороны урона. Вотъ доказательство, что можетъ сдѣлать горсть отважныхъ, неустрашимыхъ русскихъ чудо-богатырей. Очень и очень пріятно мнѣ вспомнить это время, прибавилъ нашъ корпусной товарищъ, показывая на свой георгіевской крестъ. Я смѣло могу смотрѣть всякому прямо въ глаза и сказать, что ношу этотъ крестъ не даромъ, а заслужилъ его по статуту. Я донесъ начальнику отряда объ удачномъ исполненіи сдѣланнаго мнѣ порученія и просилъ дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ узналъ онъ отъ плѣнныхъ, что самъ Аббасъ-Мирза прибылъ съ остальными войсками своими, на подкрѣпленіе сардаря и ожидаетъ только отставшей при быстромъ его движеніи артиллеріи, съ тѣмъ, чтобы всѣми силами ударить на насъ, то есть къ тремъ тысячамъ бывшимъ у сардаря, прибавить еще болѣе десяти тысячъ человѣкъ и соединенными силами атаковать отрядъ, въ которомъ могло быть подъ ружьемъ менѣе че-

тырехъ-сотъ человѣкъ, въ лагерѣ защищаемомъ полковымъ обозомъ. Все это покажется просто невѣроятнымъ, и даже теперь смѣшно вспомнить объ этомъ, но тогда положеніе наше было весьма не забавно.

«Я получилъ приказаніе стараться сколько возможно поспѣшнѣе разорить батареи и со взятыми мною орудіями присоединиться къ отряду. Можно вообразить, съ какою радостію были мы встрѣчены товарищами нашими при вступленіи въ лагерь со взятыми нами пятнадцатью фалконетами. Карягинъ и Котляревскій цѣловали меня, благодарили храбрыхъ моихъ сподвижниковъ, и всѣ кричали намъ ура! ура! Но едва только успѣли мы успокоиться и немного отдохнуть, какъ объявленное плѣными Персіянами свершилось на самомъ дѣлѣ. На разсвѣтѣ Аббасъ-Мирза съ прибывшими къ нему артиллерійскими орудіями атаковалъ насъ; открылъ изъ своихъ орудій жестокій огонь и послалъ противъ нашего лагеря почти всю свою кавалерію. Мы опять подпустили ее на дистанцію пистолетнаго выстрѣла и дали дружный залпъ изъ ружей и изъ пушекъ картечью: множество повалилось отъ нашихъ выстрѣловъ, остальные дали тягу. Аббасъ-Мирза раздраженный неудачею, выслалъ противъ насъ новыя войска, и опять мы точно также встрѣтили ихъ. Такимъ образомъ безпрерывно сражались мы до самой ночи; но

къ счастію, персидская артиллерія плохо знала свое дѣло, и выстрѣлами своими вредила болѣе нашему укрѣпленію чѣмъ людямъ.

«Но въ эту ночь случилось въ нашемъ отрядѣ очень и очень непріятное произшествіе, которое чрезвычайно огорчило нашего начальника, и всѣхъ насъ сильно встревожило. У насъ былъ большой недостатокъ въ продоволствіи; оставалось только по нѣскольку сухарей у солдатъ, а офицерамъ просто печего было ѣсть, и солдаты дѣлили съ нами послѣдніе свои запасы. По необходимости должно было послать фуражировъ; для этого командировали одного офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ и тридцать-пять человѣкъ солдатъ въ селеніе, лежавшее верстахъ въ пяти сзади нашего лагеря, съ тѣмъ, чтобы они захватили, что только можно будетъ, и поспѣшили поскорѣй возвратиться, потому что и самому Карягину и всѣмъ намъ смертельно хотѣлось ѣсть. Отсутствіе фуражировъ, по разсчету нашему, должно было продолжиться не болѣе двухъ или трехъ часовъ, но прошло слишкомъ четыре часа, а они не только не возвращались, но даже и не было объ нихъ ни какого слуху. Многіе выходили изъ лагеря по дорогѣ къ селенію на встрѣчу къ нимъ, но было вездѣ тихо: это начинало насъ безпокоить; мы боялись, что они попали какъ нибудь нечаянно въ руки непріятеля, однакожь не слышно было ни одпого выстрѣла, а мы зна-

ли, что наши безъ сопротивленія не отдадутся. Посланнаго съ фуражирами офицера, мы не очень жалѣли; онъ былъ иностранецъ, Богъ знаетъ какой націи, по-русски изъяснялся очень дурно и по-нѣмецки также довольно плохо: словомъ онъ принадлежалъ къ сословію такихъ людей, которыхъ Богъ знаетъ какъ назвать по-русски; по-французски aventurier, довольно удолетворительно объясняетъ свойства такого рода людей, но какъ это перевесть по-русски? прошалыга, проидоха.... все это кажется не то; ну да по необходимости назовемъ avanturier проидохою. Теперь слава Богу перевелись эти проидохи, а въ старину было ихъ довольно въ нашей арміи, только въ кавказскомъ корпусѣ почти никогда такихъ прошалыгъ не было, и мы удивлялись, какъ и за чѣмъ этотъ попалъ къ намъ.

«Безпокойство объ нашихъ фуражирахъ постепенно увеличивалось, тѣмъ болѣе, что мы были голодны. Сидя въ нашемъ офицерскомъ кружку и раздѣливъ по нѣскольку сухарей, данныхъ намъ солдатами, мы разсуждали, что такое могло случиться съ нашими фуражирами. Тутъ одинъ товарищъ мой по кадетскому корпусу, славный, храбрый, добрый Лифлянецъ, который хотя не такъ хорошо говорилъ по-русски, но зато лихо дрался, вспомнилъ, что нашъ проидоха наканунѣ, когда насъ подчивали съ устроенныхъ на берегу непріятельскихъ батарей безпрестанными выстрѣлами, гово-

рилъ ему плохимъ нѣмецкимъ языкомъ, что намъ слѣдуетъ отдаться въ плѣнъ, потому что совершенно безразсудно защищаться сотнѣ людей противъ нѣсколькихъ тысячъ, и что въ той арміи, въ которой онъ прежде служилъ, такой небольшой отрядъ какъ нашъ, будучи окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, тотчасъ выслалъ бы парламентеровъ и сдался бы на капитуляцію. «Я отвѣчалъ ему, продолжалъ мой товарищъ, что потому только оставляю безъ вниманія сказанныя имъ глупости, что онъ понятія не имѣетъ ни о Россіи, ни о Русскихъ солдатахъ; но что если онъ впередъ осмѣлится повторять безумныя свои сужденія, то ему будетъ худо, то есть что его тотчасъ выгонятъ изъ службы. Тѣмъ нашъ разговоръ кончился; я хотѣлъ послѣ теперешней нашей экспедиціи при всѣхъ васъ, пересказать что онъ мнѣ говорилъ, и пригласить его оставить насъ въ покоѣ и отправиться куда ему угодно проповѣдывать свои правила.»

— Выгнать его отъ насъ конечно должно, отвѣчалъ я, и если теперь попадется онъ въ плѣнъ и не воротится къ намъ, тѣмъ лучше: на что такой негодяй и трусъ нуженъ! Но я увѣренъ, что посланные съ нимъ солдаты не отдадутся живыми въ руки непріятеля, если въ самомъ дѣлѣ этотъ проидоха отъ глупости своей завелъ ихъ какъ-нибудь въ засаду. Странно только, что все тихо и не слышно выстрѣловъ.

Такимъ образомъ прошла вся ночь въ общемъ

безпокойствѣ. Карягинъ былъ чрезвычайно встревоженъ, высылалъ нѣсколько разъ и самъ выходилъ изъ лагеря по дорогѣ къ селенію, но ничего не было слышно. Наконецъ передъ разсвѣтомъ все объяснилось: изъ отряда фуражировъ возвратились къ намъ: одинъ фельдфебель одинъ унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ; одинъ съ нѣсколькими сабельными ранами на головѣ, другой раненный въ руку кинжаломъ, третій съ разрубленнымъ лицомъ, и трое такъ изрубленные и изуродованные сабельными ударами, что черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи въ лагерь умерли. Съ величайшею горестію узнали мы, что отрядъ по излишней самонадѣянности офицера и по совершенному незнанію дѣла, былъ почти совершенно истребленъ непріятемъ. Фельдфебель раненный только въ руку кинжаломъ, и сохранившій болѣе прочихъ силы объявилъ намъ, что они кое-какъ успѣли отбиться, а прочіе погибли, изрублены на мѣстѣ и, какъ кажется, немногіе захвачены въ плѣнъ.

Да какъ же вы это поддались, спросилъ Карягинъ.

— Вотъ какъ, ваше высокоблагородіе, продолжалъ фельдфебель. Когда мы пришли въ деревню, офицеръ приказалъ намъ поставить ружья въ козлы, снять патронныя сумы и отправиться по саклямъ отыскивать и брать все, что попадется изъ съѣстнаго. Я было доложилъ ему, что въ непрія-

тельской землѣ нельзя оставлять ружья, потому что не равенъ часъ, можетъ вдругъ нахлынуть непріятель, то какъ же съ пустыми руками защищаться; но онъ на меня прикрикнулъ, сказавъ, что намъ бояться нечего, что деревня сзади лагеря и пробраться непріятелю негдѣ, что съ аммуниціею и ружьями тяжело лазать по анбарамъ и погребамъ, а намъ мѣшкать нельзя, надобно поскорѣй вернуться въ лагерь. Нѣтъ, подумалъ я, что то все это неладно, не такъ бывало дѣлали прежде отрядные офицеры. Бывало всегда половина команды оставалась на мѣстѣ съ заряженными ружьями, а другая половина отправлялась на фуражировку; при входѣ и выходѣ изъ деревни и по бокамъ разставлялись часовые и ходили патрули, чтобы вдругъ не взначай не напалъ непріятель. Но съ командиромъ спорить нельзя, надобно слушаться. Всѣ наши ребята разошлись въ разныя стороны, а я остался на сторожѣ, взошелъ на небольшой пригорокъ въ деревнѣ и сталъ осматриваться и прислушиваться на всѣ стороны, но не долго стоялъ я на сторожѣ. Хотя было довольно темно, однакожъ по шороху замѣтилъ я, что нѣсколько человѣкъ выѣхали изъ лѣсу недалеко отъ деревни: одинъ изъ нихъ поскакалъ впередъ и вскорѣ возвратился. Дѣло плохо, подумалъ я; тотчасъ соскочилъ съ пригорка, побѣжалъ вдоль деревни и сталъ кричать: Эй ребята, сюда, сюда скорѣй, непріятель показался. Меж-

ду-тѣмъ подбѣжалъ я къ нашимъ ружьямъ, схватилъ первое попавшееся мнѣ но вдругъ со всѣхъ сторонъ окружили меня Персіяне; одинъ изъ нихъ ближе всѣхъ подскакалъ комнѣ, я разомъ воткнулъ ему штыкъ прямо въ сердце. Въ это время меня ранили кинжаломъ, но я съ горяча не почувствовалъ своей раны и продолжалъ отбиваться между тѣмъ собралось около меня человѣкъ десять нашихъ, выбѣжавшихъ на мой крикъ. — За мною ребята, закричалъ я имъ: надобно прежде всего выручить наши ружья, а тамъ еще поправимся. Всѣ бросились за мною, но и Персіяне опамятовались; они кинулись на насъ съ саблями и кинжалами. Я опять штыкомъ и прикладомъ сталъ очищать себѣ дорогу къ нашимъ ружьямъ; тѣ кто былъ поближе ко мнѣ прорвались къ ружьямъ и захватили ихъ, а прочихъ Персіяне изрубили въ клочки.—Валяй ребята, кричалъ я тѣмъ, кто захватилъ ружья; работай дружно штыками и прикладами. Всѣ за мною бросились, и мы опять продрались на просторъ, угомонивъ таки довольно басурмановъ; однакожъ и намъ досталось нѣсколько сабельныхъ ударовъ. Нечего дѣлать ребята, сказалъ я, сила солому ломитъ. Надобно намъ добраться кое-какъ въ кусты, тамъ верховые намъ ничего не сдѣлаютъ; а кто изъ насъ останется живъ, тотъ поскорѣй бѣги въ лагерь, можетъ быть еще успѣютъ выслать изъ

отряда выручку намъ. — Шестеро изъ насъ, хотя израненые и изуродованные добрались до кустарника. Персіяне насъ преслѣдовали, бросились было за нами въ кустарникъ, но мы такъ ихъ встрѣтили, что они скоро насъ оставили въ покоѣ и возвратились къ своимъ; а мы, кто еще былъ немного въ силахъ, побѣжали въ свой лагерь. Прочіе наши ребята, кажись всѣ пропали, или убиты или захвачены въ плѣнъ, и выручать уже некого.»

«Всѣ мы были поражены этимъ неожиданнымъ несчастіемъ. Особенно это тяжело было для Карягина; изъ небольшаго числа людей, оставшихся у него послѣ упорной защиты и отраженія въ пятьдесятъ разъ сильнѣйшаго непріятеля, потерять вдругъ тридцать пять отборныхъ молодцовъ — это уже само по себѣ не шутка, но еще сверхъ того Карягинъ предвидѣлъ, что Аббасъ-Мирза, узнавъ отъ попавшихся въ плѣнъ солдатъ, о малочисленности нашего отряда, усилитъ аттаки на насъ. Однако жъ онъ не потерялся.

— Что дѣлать братцы, сказалъ онъ собравшимся вокругъ его: горемъ бѣды не поправишъ; будемъ дѣлать свое дѣло, станемъ защищаться до послѣдней капли крови. Мы православные христіяне; Богъ вѣрно не попуститъ восторжествовать надъ нами басурманамъ; помолитесь и ложитесь пока отдыхать, а тамъ что будетъ, то

будетъ. Надобно собраться съ силами: завтра начнется потѣха... много намъ работы будетъ.

Предсказаніе его сбылось: часа черезъ два послѣ того, персидская конница и пѣхота, числомъ тысячъ до пятнадцати, опять окружила насъ. Но Карягинъ слѣдовалъ прежней методѣ: далъ имъ приблизиться до половины ружейнаго выстрѣла, и потомъ встрѣтилъ такимъ дружнымъ залпомъ пуль и картечей, что множество повалилось на мѣстѣ, а прочіе, также по прежнему обычаю, тотчасъ обратились въ бѣгство; опять собрались, и опять точно также были встрѣчены и разбѣжались. Аббасъ-Мирза видно расчиталъ, что не стоитъ терять людей противъ такого малочисленнаго отряда и что можно очень скоро одними пушечными выстрѣлами насъ уничтожитъ. Онъ велѣлъ отступить войску своему и открылъ жестокій противъ насъ огонь; къ счастію, персидскіе артиллеристы очень плохо знали свое дѣло; не многіе изъ ихъ выстрѣловъ попадали въ насъ; они подвигали пушки свои или такъ близко, что ядра перелетали черезъ нашъ лагерь, или отвозили такъ далеко, что выстрѣлы ихъ не долетали до насъ. Однако жъ и небольшое число удачныхъ выстрѣловъ наносило намъ величайшій вредъ. Четырехъ-суточный, почти безпрерывный бой истощилъ всѣ наши способы: большая часть лошадей была перебита и переранена; зарядовъ остава-

лось уже немного, и въ продовольствіи былъ величайшій недостатокъ; а къ довершенію всего, надежда наша соединиться съ Лисаневичемъ, или получить какое либо подкрѣпленіе и помощь отъ Карабахскаго хана, совсѣмъ была потеряна. Что оставалось дѣлать? Во всякой другой арміи, признано бы было совершенно невозможнымъ защищаться такому небольшому отряду, со всѣхъ сторонъ окруженному непріятелемъ, во сто разъ его сильнѣйшимъ, и вѣрно было бы рѣшено положить оружіе и сдаться въ плѣнъ; но не такъ разсуждали нашъ отрядный начальникъ и храбрый, чудеснѣйшій его помощникъ Котляревскій: они посовѣтовались и приняли рѣшительное, твердое намѣреніе — никакъ не сдаваться, а идти на проломъ сквозь персидскія войска, къ небольшой крѣпости на рѣчкѣ Шаль-Булахѣ; взять ее, во что то бы ни стало, занять выстроенную на утесистой скалѣ цитадель этой крѣпости, и держаться въ ней до послѣдней крайности.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

№ 306. 1849. 15 Марта.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ

СТАРАГО КАВКАЗСКАГО ВОИНА.

(Продолженіе)

Объявленное намъ рѣшеніе идти на проломъ къ крѣпости Шагъ-Булаху, было принято съ единогласнымъ восторгомъ. Это не только отважное, но можно сказать, отчаянное предпріятіе назначено было свершить ночью, и Карягинъ тотчасъ началъ распоряженія къ нашему походу. Вотъ при этомъ случаѣ точно можно сказать, что русская пословица совершенно справедлива: «кинь хлѣбъ-соль назадъ, а она очутится впереди». Карягинъ сдѣлалъ когда то боль-

шое благодѣяніе одному Елисаветпольскому жителю, Армянину; спасъ его семейство отъ разоренія или, не знаю навѣрное, отъ какого то несчастія; сынъ этого Армянина, молодой человѣкъ, до такой степени былъ благодаренъ Карягину и полюбилъ его, что во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ находился добровольно при немъ. Онъ взялся быть нашимъ провожатымъ.

«Приготовленія къ походу были не продолжительны. Оставшіяся въ цѣлости два орудія зарядили картечью, запрягли для подъема ихъ и патронныхъ ящиковъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ лошадей. Раненые Карягинъ и Котляревскій хотѣли было отдать своихъ верховыхъ лошадей подъ пушки и идти съ нами пѣшкомъ, но мы всѣ настоятельно убѣждали ихъ, чтобы они сѣли верхомъ, а гдѣ будетъ нужно, взялись мы своими руками помогать изнуреннымъ конямъ, запряженнымъ подъ пушки. Отрядъ нашъ выступилъ изъ лагеря тихо, избѣгая всякаго шуму. Раненымъ помогали идти здоровые, а кто утомлялся и терялъ силу, тѣхъ брали и несли на рукахъ. Карягинъ, зная по многимъ опытамъ, жадность и склонность Персіянъ къ грабежу, не велѣлъ истреблять обоза, предоставивъ непріятелю все право позабавиться грабежемъ и чрезъ то дать нашему отряду болѣе времени уйти по далѣе впередъ. Только взятые мною на непріятельскихъ батареяхъ фалконеты и оставшіяся отъ нашихъ убитыхъ ружья, зарыли мы

въ землю, а лафеты и колеса переломали и перерубили.

«Ночь была, слава Богу, темная. Проводникъ нашъ, тамошній уроженецъ, зналъ хорошо мѣстность. Мы шли нѣкоторое врéмя покойно и скрытно отъ Персіянъ, но къ несчастію—вдругъ столкнулись съ ихъ разъѣздомъ; выстрѣлы посыпались съ обѣихъ сторонъ и весь непріятельскій лагерь встрепенулся и поднялся на ноги. Аббасъ-Мирза послалъ за нами погоню, и мы опять были окружены. Присутствіе духа, хладнокровіе и отважность Карягина и Котляревскаго, также какъ и отличная храбрость всего отряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—надобно правду сказать,—неискуство Персіянъ въ военномъ дѣлѣ, спасли насъ отъ совершенной погибели; отчасти способствовало къ избавленію нашему и то, что множество изъ числа посланныхъ въ погоню бросились грабить нашъ обозъ.

«Однако жъ Аббасъ-Мирза угадалъ наше намѣреніе и послалъ въ подкрѣпленіе Шагъ-Булахскаго гарнизона большой отрядъ, подъ командою сына Карабахскаго Хана; но и этотъ молодецъ былъ не изъ числа храбрыхъ; Богъ знаетъ почему, онъ не только не дошелъ до крѣпости, но съ половины дороги, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, возвратился назадъ въ свой лагерь.

«На самомъ разсвѣтѣ подошли мы къ крѣпости; бывшій въ ней небольшой гарнизонъ, также

какъ и находившихся тамъ двухъ важныхъ сановниковъ любимцевъ и родственниковъ Аббасъ-Мирзы, нашли мы въ крѣпкомъ и покойномъ снѣ. Карягинъ воспользовался оплошностью, скомандовалъ: Впередъ! и черезъ нѣсколько минутъ русскіе штыки блистали уже на стѣнахъ крѣпости: она взята была штурмомъ почти безъ всякаго съ нашей стороны урону, а у непріятеля было убито пятьдесятъ человѣкъ, и въ томъ числѣ два сановника, любимцы и родственники Аббасъ-Мирзы.

«Въ крѣпости нашли мы нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, пороху и снарядовъ; но самая главная и важная пожива наша была въ томъ, что мы захватили двадцать здоровыхъ и свѣжихъ лошадей. Однакожъ не прошло двухъ часовъ послѣ взятія крѣпости, какъ явились и опять окружили насъ тысячи Персіянъ подъ начальствомъ самого Аббасъ Мирзы. И онъ думалъ было возвратить крѣпость также какъ мы ее взяли штурмомъ, но встрѣтилъ по прежнему сильное сопротивленіе, потерялъ нѣсколько сотенъ отважныхъ, бросившихся на стѣны крѣпости, и отправился назадъ, въ надеждѣ принудить насъ къ сдачѣ блокадою крѣпости, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками. Наконецъ мы хотя нѣсколько, что называется, очнулись. Карягинъ велѣлъ выстроиться всему отряду, и оказалось, что за исключеніемъ попавшихся въ засаду, так-

же убитыхъ и раненыхъ во все время странствія нашего въ безпрерывной борьбѣ, осталось на лицо способныхъ къ дѣлу менѣе двухъ сотъ человѣкъ; съ этою-то горстью людей окруженныхъ нѣсколькими тысячами непріятелей, ни кому изъ насъ даже и въ голову не приходила мысль о сдачѣ и невозможности защищаться. Послѣ этого, не правду ли я сказалъ вамъ при самомъ началѣ моего разсказа, что онъ точно можетъ показаться невѣроятнымъ и даже баснословнымъ, а я рѣшительно ничего не преувеличилъ, все такъ происходило, какъ я вамъ говорилъ. Впрочемъ, еще вамъ повторяю, что когда вы съ нами долѣе послужите, то сами согласитесь, что для русскаго солдата, съ храбрымъ, неустрашимымъ молодцемъ начальникомъ, просто нѣтъ ничего невозможнаго.

«Аббасъ-Мирза, послѣ неудачной попытки возвратить крѣпость штурмомъ, прислалъ къ Карягину просить выдачи тѣлъ убитыхъ родственниковъ его; но Карягинъ отвѣчалъ, что не иначе исполнитъ его желаніе, какъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ выдалъ попавшихся въ засаду нашихъ солдатъ и въ особенности офицера. Аббасъ-Мирза далъ знать, что всѣ солдаты наши убиты на мѣстѣ сраженія и въ плѣнъ ни одного не попалось, а офицеръ умеръ на другой день отъ полученныхъ имъ ранъ. Карягинъ приказалъ выдать тѣла убитыхъ и велѣлъ при томъ сказать, что насчетъ солдатъ и офицера онъ ему

вѣритъ, потому что у Русскихъ есть старинное правило, «кто солжетъ, тому да будетъ стыдно», и что онъ конечно не захочетъ чтобы ему было стыдно.

«Однако жъ отдыхъ и торжество наше продолжались недолго. Съѣстные припасы найденные въ крѣпости скоро истощились, и должно было употреблять въ пищу лошадей. Въ этой ужасной крайности, истинный нашъ въ то время благодѣтель, о которомъ я упомянулъ выше, вѣрный Армянинъ Юзбаша предложилъ намъ достать съѣстныхъ припасовъ, а самое главное, взялся доставить къ князю Павлу Дмитріевичу донесеніе о бѣдственномъ и стѣсненномъ нашемъ положеніи. Юзбаша вполнѣ исполнилъ принятую имъ на себя обязанность. Удачно пробрался онъ въ домъ свой, стоявшій отъ крѣпости верстахъ въ пятнадцати, и узнавъ тамъ, что князь Циціановъ находится въ Елисаветполѣ, отправилъ къ нему донесеніе Карягина съ своимъ роднымъ братомъ, а самъ вмѣстѣ съ отцемъ тотчасъ принялся молоть собственную свою пшеницу, оставленную на годовое продовольствіе, и къ слѣдующей ночи напекли они для насъ пятьдесятъ хлѣбовъ. Сверхъ того Юзбаша набралъ съ собою сколько могъ огородныхъ овощей и, прибавивъ ко всему этому двухъ убитыхъ барановъ, навьючилъ на пару лошадей всѣ эти запасы и въ туже ночь передъ разсвѣтомъ благополучно пробрался къ намъ въ крѣпость. Карягинъ все

доставленное Юзбашею раздѣлилъ по равнымъ частямъ между офицерами и солдатами, и лично для себя взялъ одинаковую съ прочими часть.

«Но этого запаса стало не на долго, и Карягинъ ободренный удачею Юзбаши рѣшился опять послать его, но уже не одного, а съ половиною всего отряда, то есть съ сотнею человѣкъ и съ двумя офицерами. Ночью вышли они изъ крѣпости, счастливо пробрались мимо персидскаго лагеря; однако жъ пройдя потомъ нѣсколько верстъ, наткнулись на непріятельскій объѣздъ. Единственное средство спасенія было то, чтобы истребить всѣхъ до одного бывшихъ въ разъѣздѣ, потому что еслибъ хотя одинъ изъ нихъ живой добрался до лагеря и далъ знать о нашихъ удальцахъ, которые передъ самымъ носомъ непріятеля прошли и такъ славно ввели его въ заблужденіе, то погибель всего отряда была бы неизбѣжна.

«Старшій офицеръ нашъ славно распорядился въ этомъ случаѣ. При свѣтѣ мѣсяца, который къ счастію, какъ будто нарочно въ это время показался, увидѣвъ непріятельскій разъѣздъ, бывшій благодаря Богу въ небольшомъ числѣ, — человѣкъ можетъ быть восемь или десять,—тотчасъ велѣлъ онъ всѣмъ своимъ солдатамъ лечь на землю и такъ притаиться, чтобы разъѣздъ ничего не подозрѣвалъ проходя по дорогѣ мимо ихъ; но какъ скоро къ нимъ приблизится, то по командѣ тотчасъ вскочить и какъ можно скорѣй, не давъ

непріятелю опомниться окружить его со всѣхъ сторонъ, и работать какъ должно русскими штыками. Все было сдѣлано по сказанному какъ по писанному; весь разъѣздъ въ нѣсколько мгновеній былъ истребленъ, а лошади его захвачены, къ довершенію всего, офицеръ нашъ былъ такъ предусмотрителенъ, что велѣлъ тотчасъ убитые тѣла стащить въ ближній оврагъ и закидать землею и кустарникомъ, за тѣмъ чтобы не было даже и слѣдовъ свершенной нашими молодцами славной продѣлки.

«Избавленный такимъ образомъ предусмотрительностію офицера отъ явной погибели, отрядъ нашъ пришелъ благополучно еще до разсвѣта въ селеніе, кажется, если не ошибаюсь, Касаметы, гдѣ отецъ Юзбаши напередъ соображая, что доставленныхъ сыномъ его запасовъ, станетъ намъ не на долго, успѣлъ перемолоть остальную свою пшеницу и напекъ изъ нея хлѣбовъ. Юзбаша накормилъ солдатъ, остальные хлѣбы взялъ съ собою, и весь отрядъ по совѣту его отправился въ близъ лежащія селенія, гдѣ жили преданные Россіи Армяне. У нихъ купили нѣсколько штукъ рогатаго скота, вина, плодовъ и овощей; все это навьючивъ на благопріобрѣтенныхъ лошадей, отрядъ нашъ, не потерявъ ни одного человѣка, къ общей чрезвычайной нашей радости, возвратился въ крѣпость. Персіяне

тогда только замѣтили нашихъ фуражировъ, когда они подходили къ крѣпостнымъ воротамъ.

«Аббасъ-Мирзѣ видно наскучила лагерная жизнь и безпрерывныя неудачи. Разсчитывая, что ему гораздо будетъ спокойнѣе и веселѣе въ гаремѣ, онъ ушелъ съ большею частію войскъ во свояси, оставивъ однако жъ держать насъ въ блокадѣ около восьми тысячъ человѣкъ. Восемь тысячъ противъ двухъ сотъ. Какъ вамъ это нравится? Потомъ Аббасъ-Мирза дня черезъ три или четыре послѣ славной своей ретирады вздумалъ прислать къ Карягину парламантера, съ чѣмъ бы вы думали? Не болѣе и не мѣнѣе, какъ съ строгимъ повелѣніемъ Шаха отца своего, чтобы отрядъ нашъ безпрекословно сдался въ плѣнъ, за что обѣщалъ онъ намъ пошаду и милость свою, въ особенности же Карягину сулилъ золотыя горы. Мы какъ вы можете вообразить, отъ души посмѣялись этой неожиданной продѣлкѣ, однако жъ Карягинъ, желая болѣе выиграть время и черезъ самихъ Персіянъ войти въ сношеніе съ княземъ Циціановымъ, отвѣчалъ, что ему надобно подумать объ этомъ предложеніи, въ особенности испросить разрѣшенія своего главнокомандующаго.

«Персіяне очень серьезно повѣрили этому отвѣту, и сами взялись доставить донесеніе Карягина къ князю Циціанову, а между тѣмъ не только всѣ военныя дѣйствія прекратились, но по приказанію Аббасъ-Мирзы нѣсколько разъ были присы-

лаемы къ намъ съѣстные припасы и даже медикъ для пособія нашимъ раненымъ; впрочемъ все это было придумано, чтобы поддѣть насъ, какъ они воображали, на чудесную и премудро изобрѣтенную хитрость, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ того Аббасъ-Мирза прислалъ объявить Карягину, что Елисаветполь уже взятъ Персіянами, что намъ нѣтъ ни какой надежды получить подкрѣпленіе, и онъ вторично предлагалъ намъ сдаться, повторяя прежнія великолѣпныя обѣщанія; но Карягинъ и Котляревскій уже прежде сообразили, что держаться въ крѣпости съ малочисленнымъ нашимъ отрядомъ рѣшительно невозможно, и что нужно было только выиграть время, чтобы намъ освѣжиться и отдохнуть, а главнокомандующему придумать и изыскать способы помочь и выручить насъ изъ бѣды. Карягинъ отвѣчалъ Аббасъ-Мирзѣ, что онъ проситъ только на однѣ сутки отсрочки, и что если не получитъ ни отвѣта, ни подкрѣпленія отъ главнокомандующаго, то согласится на сдѣланныя ему предложенія; но тотчасъ послѣ отбытія присланнаго отъ Аббасъ-Мирзы, приступилъ Карягинъ къ распоряженіямъ для выступленія изъ крѣпости.

«Мы вышли ночью, и направили путь нашъ къ крѣпости Мухрани, въ которой, какъ мы узнали, не было въ то время непріятеля. Величайшая осторожность и тишина были соблюдены при выходѣ нашемъ; и чтобы болѣе обмануть непрія-

теля, Карягинъ оставилъ двадцать человѣкъ часовыхъ на стѣнахъ крѣпости, приказавъ имъ по прежнему перекликаться, какъ можно громче, чтобы черезъ то отстранить всякое подозрѣніе, что мы опять славно надуваемъ друзей нашихъ. Но чтобы не потерять этихъ двадцать человѣкъ и бывшаго съ ними офицера, Карягинъ условился съ Юзбашемъ по какой дорогѣ пойдетъ отрядъ и оставилъ его самаго, съ тѣмъ чтобы часа черезъ два до разсвѣта онъ вывелъ оставленныхъ въ крѣпости и присоединилъ ихъ къ намъ въ условленномъ мѣстѣ въ горахъ. Все это свершилось съ полною удачею. Оставленные въ крѣпости часовые громко перекликались, и Персіяне успокоенные обѣщаніемъ Карягина сдаться на другой день, не обращали вниманія на то, что перекличка часовыхъ продолжалась не долго и вдругъ прекратилась. Словомъ весь нашъ отрядъ съ орудіями, съ достаточнымъ количествомъ запасовъ и не потерявъ ни одного человѣка, соединился благополучно. Однако жъ спокойное движеніе наше продолжалось не долго: мы встрѣтились съ многочисленнымъ коннымъ персидскимъ отрядомъ и хотя отъ первыхъ выстрѣловъ онъ весь разсѣялся въ разныя стороны; но начальникъ блокаднаго корпуса, встревоженный выстрѣлами, догадался, что мы надули его. Онъ тотчасъ отправился самъ догонять насъ. Къ счастію еще было довольно темно: онъ не попалъ на наши слѣды, пошелъ совсѣмъ

въ противную сторону и догнать насъ уже не могъ; а мы, идя по указанію благодѣтеля нашего Юзбаши, продолжали дальнѣйшее слѣдованіе спокойно. Однако жъ на пути нашемъ встрѣтилось опять совсѣмъ неожиданное препятствіе: мы подошли къ какой то вырытой Богъ знаетъ за чѣмъ канавѣ; люди и лошади могли кое-какъ перепрыгнуть черезъ эту канаву, а орудія перевезти было невозможно. Всѣ мы собрались около орудій и не знали, что дѣлать. Лѣсу для устройства моста въ окружности ни гдѣ не было видно; объѣхать эту проклятую канаву и перевезти пушки въ другомъ мѣстѣ было также невозможно, снимать пушки съ лафетовъ и переносить все на рукахъ потребовалось бы много времени, а мы безпрестанно ожидали преслѣдованія; словомъ, мы были въ величайшемъ затрудненіи. Но тутъ русская смѣтливость и отважность явились во всемъ блескѣ. У насъ былъ общій шутъ или буфонъ всего отряда, а вы сами знаете, что во всякой ротѣ и даже во взводѣ почти всегда бываютъ шуты, которые для поддержанія бодрости и веселости въ солдатахъ, въ особенности въ трудныхъ тяжелыхъ переходахъ, да и вообще во всякомъ затруднительномъ случаѣ, необходимо нужны.

— Что шуты полезны и нужны, въ особенности же въ нашемъ корпусѣ, я увѣрился многими опытами впродолженіи долговременной моей

службы, сказалъ полковникъ, который успѣлъ выспаться и закуривъ трубку пришелъ къ намъ. Я, командуя прежде ротою, потомъ баталіономъ, а теперь полкомъ, всегда ободрялъ шутовъ и самъ поощрялъ ихъ, за тѣмъ чтобы не давать задумываться солдатамъ и поддерживать врожденную въ русскомъ народѣ веселость. Нельзя себѣ вообразить, какимъ вздоромъ можно иногда развеселить русскаго человѣка. Надобно только шуту сдѣлать гримасу, или сказать какую нибудь самую пошлую шутку, чтобы заставить хохотать отъ всего сердца. Никогда не забуду я, однажды въ очень трудномъ переходѣ, возвращаясь къ моему баталіону отъ полковаго командира, подъѣхалъ я къ четвертой ротѣ и нашелъ почти всѣхъ помирающими со смѣху. О чемъ вы смѣетесь? ребята, спросилъ я у нихъ. Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе, отвѣчали они мнѣ: впереди смѣются, видно Лукашка (такъ назывался славный нашъ шутъ) что нибудь тамъ впереди проказничаетъ. Я подъѣхалъ туда и нашелъ, что этотъ Лукашка поетъ какую то веселую пѣсню, и несмотря на то что на немъ навьючены были патронная сумма съ полнымъ количествомъ патроновъ и ранецъ съ поклажею и сухарями на пять дней, онъ выскакивалъ изъ рядовъ, вертѣлся и приплясывалъ въ присядку. Въ первой ротѣ, передъ которою онъ отличался, начался смѣхъ и

дошелъ до второй роты; оттуда перешелъ до третьей и распространился до четвертой, хотя никому не было извѣстно, въ чемъ именно состояли проказы любимаго всѣми шута. —

«Нашъ шутъ, продолжалъ разскащикъ, на этотъ разъ не разсмѣшилъ насъ, а оказалъ чудесный подвигъ русской смѣтливости и самоотверженія, за которые къ общему всѣхъ прискорбію заплатилъ онъ жизнію своею. Я уже сказалъ вамъ, что мы всѣ были въ недоумѣніи, какъ переправить черезъ канаву пушки. Что ребята стоять и задумываться, воскликнулъ онъ. Стоя города не возмешь. Послушайте меня. Вотъ что надобно сдѣлать. Вы сами знаете, у русскаго солдата ружье — мать, жена, сестра, а пушка солдатская барыня: ну такъ надобно барынѣ переправиться съ помощію нашихъ матерей, женъ, сестеръ. Понимаете ли, ребята? на ружьяхъ перевеземъ пушки. Да какъ же ты изъ ружьевъ сдѣлаешъ мостъ, откуда возмешь сваи, сказалъ одинъ длинный плечистый солдатъ изъ Малороссіянъ. Откуда взять сваи? Ахъ, ты хохлацкая башка! а это развѣ не сваи, отвѣчалъ шутъ показывая на его плечи. Слушай команду, продолжалъ онъ спрыгнувъ въ канаву: кто молодецъ, сюда ко мнѣ! Съ этимъ словомъ человѣкъ десять бросились къ нему, и въ томъ числѣ изъ первыхъ плечистый Малороссіянинъ. Ну ребята, продолжалъ буфонъ, подавай къ намъ сюда ружья оставшіяся отъ уби-

тыхъ и раненыхъ, отвязывай ихъ съ лафетовъ и артельной повозки; мы эти ружья воткнемъ штыками въ землю, вотъ и будутъ у насъ знатныя сваи для моста; на нихъ положимъ мы свои ружья вмѣсто перекладинъ и поддержимъ ихъ на своихъ плечахъ. Тотчасъ ружья были отвязаны и поданы въ канаву, ихъ воткнули въ землю штыками. Ну теперь, ребята, сказалъ шутъ тѣмъ, кто былъ съ нимъ въ канавѣ; отмыкай штыки съ своихъ ружей, клади плотнѣе ихъ на плечи, а вы отпрягай скорѣй лошадей, и на рукахъ черезъ наши плечи и ружья перевози живѣе пушки. Все это въ нѣсколько мгновеній было исполнено, такъ что никто изъ офицеровъ не успѣлъ сдѣлать ни какого возраженія противъ столь неслыханной и уже слишкомъ отважной переправы. Конечно пушки были легкія полевыя, притомъ же и канава была не слишкомъ широка; однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, провесть ихъ по плечамъ солдатскимъ не могло бы никому прійти въ голову. Мелькнувшая шуту нашему мысль, или лучше сказать вдохновеніе было внезапно и неожиданно, никто не подумалъ о слѣдствіяхъ. Первая пушка разомъ перелетѣла по молодецкимъ плечамъ. Ай да хватъ, ай да удалецъ, сказалъ командиръ роты, въ которой служилъ шутъ; ну, ужъ теперь никому не позволю я называть тебя Гаврило свиное рыло. За это прозвище, буфонъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть и притворно,

изъ проказъ, такъ сердился, что готовъ былъ браниться и даже драться со всякимъ. То то, ваше благородіе, на силу за умъ взялись, хотите защищать Гаврилу Сидоровича, отвѣчалъ буфонъ изъ канавы. Живѣй ребята, продолжалъ капитанъ, отпрягай лошадей и дружно запѣвай:

А ужъ нѣтъ у насъ такого молодца,
Какъ Гаврила-то Сидоровича.

Авось и другая пушка также лихо переправится, какъ первая.»

Авось слово важное въ русскомъ языкѣ; на авось свершилось множество чудесныхъ дѣлъ; но въ теперешнемъ случаѣ этой поговоркѣ не посчастливилось. Всѣ запѣли и дружно бросились перетаскивать на рукахъ пушку, но отъ излишней поспѣшности и неосторожности одно колесо не попало на ружье, а со всего размаху соскочило на голову Гаврилѣ прямо въ високъ. Онъ упалъ, вздохнувъ нѣсколько разъ, и только успѣлъ сказать: «Прощайте братцы, не поминте лихомъ и помолитесь за меня грѣшнаго». Многіе офицеры, въ томъ числѣ и я, бросились въ канаву помогать ему; но онъ былъ уже мертвъ. Очень и очень была для всѣхъ насъ тягостна потеря такого славнаго, умнаго солдата, сдѣлавшагося жертвою сметливости и отважности своей. Однако жъ долго задумываться было некогда; намъ надобно было сколь возможно поспѣшнѣе съ неболь-

шимъ нашимъ отрядомъ скрыться отъ преслѣдованія сильнаго непріятеля. Артилерійскихъ лошадей кое-такъ принудили перепрыгнуть черезъ канаву. Между тѣмъ Карягинъ приказалъ вырыть поскорѣй могилу; офицеры на рукахъ своихъ понесли тѣло добраго нашего буфона и опустили въ могилу. Карягинъ перекрестилъ его и громко сказалъ: «Прощай, истинно православный русскій человѣкъ, вѣрный царскій слуга. Да будетъ тебѣ вѣчная память.» Офицеры поклонились его могилѣ, и многіе изъ солдатъ съ глазами полными слезъ сказали ему: «Прощай братъ Гаврила Сидоровичъ, моли Бога за насъ.» Лошадей поспѣшно запрягли, однако жъ Карягинъ до-тѣхъ поръ не тронулся съ мѣста пока нашъ медикъ, по приказанію его, не осмотрѣлъ плечь тѣхъ, которые вмѣстѣ съ покойнымъ буфономъ взяли на себя составить мостъ изъ своихъ плечъ для переправы пушекъ; у иныхъ были синія пятна, а у другихъ даже и ни какихъ признаковъ не было видно, такъ быстро перелетѣли пушки.

«Послѣ этого несчастнаго случая продолжали мы безпрепятственно дальнѣйшее движеніе наше и благополучно дошли до деревни Косанетъ, родины нашего благодѣтеля Юзбаши. По прибытіи туда, Карягинъ рѣшился остановиться съ отрядомъ, чтобы нѣсколько отдохнуть и освѣжиться, а больныхъ и раненыхъ на подводахъ, собранныхъ кое какъ изъ окрестныхъ селеній, отпра-

вилъ, подъ начальствомъ ранепаго и уже весьма ослабѣвшаго Котляревскаго, впередъ къ крѣпости Мухраны, гдѣ Карягинъ рѣшился опять остановиться и держаться до полученія повелѣнія князя Павла Дмитріевича. Но лишь только успѣлъ Котляревскій съ порученными ему ранеными и больными отъ насъ отдалиться, какъ мы жестоко были атакованы нѣсколькими тысячами Персіянъ, и натискъ ихъ былъ такъ силенъ и внезапенъ, что они успѣли захватить обѣ наши пушки. Это уже была совсѣмъ не шутка. Карягинъ а за нимъ и всѣ мы бросились какъ львы и тотчасъ штыками нашими отбили пушки. Испуганные Персіяне дрогнули и обратились въ бѣгство; ихъ кололи безъ пощады въ догонку. Послѣ этого Карягинъ видѣлъ совершенную невозможность держаться долѣе въ Касанестахъ и рѣшился идти для соединенія съ Котляревскимъ въ Мухранъ; но Аббасъ-Мирза, или самъ замѣтилъ, или былъ извѣщенъ шпіонами о движеніи Котляревскаго, и послалъ большой отрядъ пѣхоты своей, чтобы перерѣзать намъ дорогу и предупредить занятіе Мухрана; очень было бы худо нашимъ, если бъ не былъ начальникомъ Котляревскій. Онъ не смотря на слабость и страданія свои отъ ранъ, бросился первый впередъ противъ непріятельскаго отряда, за нимъ послѣдовали раненые, кто только хотя не много былъ въ силахъ, и все кончилось, старое по старому. Персіяне не выдержали нашего натиску, и дали

тотчасъ тягу, а наши пошли впередъ и благополучно достигли до Мухрани, куда къ вечеру прибылъ и Корягинъ, защищаясь и отражая безпрерывныя нападенія непріятеля во все время слѣдованія его.

Послѣ всѣхъ безполезныхъ усилій Аббасъ-Мирзы уничтожить нашъ отрядъ, онъ можетъ быть получилъ справедливыя или ложныя свѣдѣнія о движеніи князя Циціанова, или по другимъ какимъ нибудь неизвѣстнымъ намъ причинамъ, отправился еще прежде наступленія ночи со всѣми своими войсками къ Аскерану, а противъ насъ оставилъ двухъ-тысячный блокадный корпусъ.

«Въ Мухранѣ наконецъ мы успокоились и отдохнули, получая достаточное продовольствіе посредствомъ расторопности и смѣтливости нашего добраго Юзбаши. Здѣсь Карягинъ рѣшился ожидать отвѣта главнокомандующаго на донесеніе его; и скоро братъ Юзбаши, посланый съ этимъ донесеніемъ, привезъ намъ повелѣніе князя Павла Дмитріевича, держаться въ Мухранѣ до прибытія его самаго съ войсками на помощь нашу.

Наконецъ послѣ десятидневнаго мучительнаго ожиданія блеснули въ отдаленіи русскіе штыки. Это былъ передовой отрядъ князя Павла Дмитріевича. Тотчасъ дали объ этомъ знать въ крѣпость, и всѣ мы, какъ-будто ожили: безпокойство, труды, потери, все было забыто.

«Самъ князь, не дойдя до Мухрана, утомлен-

пый сильнымъ переходомъ и нестерпимымъ зноемъ, остановился съ отрядомъ своимъ, въ селеніи, — не помню какъ оно называется, кажется, Маздагирти,—чтобы дать всѣмъ хотя не много отдохнуть и освѣжиться, и съ небольшимъ передовымъ своимъ отрядомъ прислалъ намъ повелѣніе оставить тотчасъ Мухранъ и присоединиться къ нему.

«Въ ту же ночь выступили мы изъ крѣпости, и опять поднявшись на прежнія хитрости, обманули стоявшій противъ насъ непріятельскій блокадный корпусъ. Юзбаша повелъ насъ извѣстнымъ ему кратчайшимъ путемъ, чрезъ горы; такъ-что Персіяне встрепенувшись и увидѣвъ, что мы ихъ опять надули, не знали куда броситься насъ отыскивать. Рано по утру присоединились мы къ войскамъ, прибывшимъ съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ. Признаюсь вамъ, этотъ день былъ для насъ такимъ же радостнымъ, какъ праздникъ Христова Воскресенья.

«Вы можете себѣ представить, какъ храбрый молодецъ, отрядный нашъ начальникъ Карягинъ и ревностный его помощникъ, Котляревскій, были приняты княземъ Циціановымъ. Онъ велѣлъ выстроиться и своему и нашему отряду, и при всѣхъ, передъ фронтомъ, обнималъ и цѣловалъ Карягина и Котляревскаго; называлъ героями, настоящими Русскими; ходилъ потомъ самъ по фро-

ту нашего отряда, благодарилъ и офицеровъ и солдатъ, хвалилъ ихъ, останавливался подлѣ раненыхъ, разспрашивалъ съ участіемъ объ ихъ положеніи, обѣщалъ донести о чудныхъ подвигахъ всего отряда Государю Императору. Всѣ мы были въ полномъ восторгѣ; громогласное ура! ради стараться! раздавались повсюду. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ пригласилъ онъ къ себѣ обѣдать, пилъ за ихъ здоровье, еще распрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ подвиговъ нашихъ; превозносилъ твердость, неустрашимость, отважность и распорядительность всѣхъ нашихъ дѣйствій, и отъ души смѣялся, какъ славно надували мы Персіянъ. Въ то же время унтеръ-офицеровъ и солдатъ приказалъ онъ также угостить насвой счетъ, причемъ во всероссійскомъ и грузинскомъ винѣ не было недостатка.

«Но я, къ сожаленію моему, не былъ участникомъ въ праздникѣ, данномъ нашему отряду. Во время послѣдняго движенія нашего къ крѣпости Мухранъ, были мы, какъ я вамъ сказывалъ, внезапно атакованы непріятелемъ, причемъ онъ захватилъ было наши пушки. Вмѣстѣ съ прочими бросился и я спасать ихъ, и порядочно поплатился за это. Одинъ смѣльчакъ добрался было съ шашкою своею прямо до моей головы, и хотя я успѣлъ отразить его ударъ, однако жъ онъ ефесомъ шашки больно зашибъ мнѣ голову; въ

то же время другой бросился на меня и нанесъ мнѣ рану кинжаломъ въ руку. Разумѣется, этихъ обоихъ забіякъ наши молодцы разомъ подняли на штыки, а то бы они меня доконали. Не скоро добрался я до нашего лагеря, для перевязки раны, и отъ потери крови очень ослабѣлъ. Однако жъ пробывъ нѣсколько дней въ крѣпости, я отдохнулъ, освѣжился и имѣлъ довольно силъ, чтобы стать на свое мѣсто во фронтѣ при выступленіи изъ крѣпости, для соединенія съ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ. Но какъ говоритъ пословица: «Прійдетъ бѣда, такъ отворяй ворота», во время ночнаго перехода нашего черезъ горы, я какъ-то поскользнулся, упалъ и развередилъ мою рану, а къ довершенію всего при паденіи больно зашибъ себѣ ногу; послѣдствіемъ этого было то, что я чрезвычайно ослабѣлъ, идти пѣшкомъ никакъ не могъ и не имѣлъ силъ ѣхать верхомъ; меня понесли на рукахъ; словомъ, отъ ушиба, отъ развереженной раны и отъ долговременныхъ трудовъ и безпокойства, я пришелъ въ такое изнеможеніе, что ни однимъ членомъ не могъ тронуться и готовился умереть.

«Князь Павелъ Дмитріевичъ вскорѣ по прибытіи нашемъ спросилъ: гдѣ офицеръ, который командовавалъ отрядомъ, взявшимъ на непріятельскихъ батареяхъ пятнадцать фалконетовъ, и узнавъ въ какомъ я положеніи, тотчасъ пришелъ ко мнѣ,

благодарилъ меня, поздравилъ георгіевскимъ кавалеромъ; словомъ привѣтливостію и добродушіемъ своимъ совершенно оживилъ меня; послѣ того отвелъ въ сторону пользовавшаго меня медика, довольно долго говорилъ съ нимъ, и тотчасъ приказалъ приготовить собственные свои двумѣстные дрожки, чтобы отвесть меня въ Тифлисъ для излѣченія ранъ.

«Вы можете вообразить, до какой степени былъ я тронутъ: слезы невольно текли изъ глазъ моихъ. Какъ пріятно, когда начальники понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ истинная служебная психологія, то есть искуство заставить подчиненныхъ своихъ любить и уважать себя. Этимъ участіемъ князь Цицiановъ взялъ меня всего, на всю мою жизнь, въ полное свое распоряженіе, и я готовъ былъ, по одному его слову, броситься за него въ огонь и воду. Теперешній нашъ начальникъ Алексѣй Петровичъ имѣетъ также глубокія познанія въ этой истинной служебной психологіи; вы сами увидите, до какой степени всѣ, начиная съ генераловъ до солдатъ, любятъ его, уважаютъ и привязаны къ нему.

Въ тотъ же день отправился я въ Тифлисъ и не былъ уже свидѣтелемъ и участникомъ въ дальнѣйшихъ подвигахъ Карягина.»

— Къ тому, что они отъ тебя слышали, остается прибавить не много, сказалъ нашъ полковникъ. Я былъ тогда инспекторскимъ адъютантомъ при

князѣ Павлѣ Дмитріевичѣ, и находился при немъ безотлучно. Въ то время небыло, какъ теперь, начальниковъ штаба, дежурныхъ штабъ-офицеровъ и старшихъ адъютантовъ. Весь, корпусный штабъ состоялъ изъ одного инспекторскаго адъютанта и трехъ или четырехъ писарей. Правду сказать, на грамоту я былъ не большой мастеръ, но князю и не было въ томъ большой нужды: всѣ бумаги распечатывалъ онъ самъ, и писалъ на нихъ своею рукою такія полныя резолюціи, что писарямъ оставалось только переписывать на бѣло исполненіе; а по дѣламъ важнымъ князь самъ сочинялъ и черновыя бумаги. Моя же обязанность заключалась единственно только въ точности и поспѣшности исполненія приказаній и распоряженій его. Однако жъ дѣла шли черезъ мои руки, и то что вамъ не досказано о подвигахъ Карягина, могу я дополнить. И такъ, слушайте, господа: еще очень и очень много остается интереснаго. Въ то время, когда Карягинъ окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ почти въ двадцать разъ сильнѣйшимъ его, не только удачно отражалъ безпрерывныя нападенія, но и самъ еще нѣсколько разъ билъ, бралъ пушки и такъ искусно обманывалъ и ставилъ въ недоумѣніе непріятельскихъ военоначальниковъ, мы были весьма и весьма не въ завидномъ положеніи. Князь хотѣлъ какъ можно поскорѣй поспѣшить на выручку къ Каря-

гину, но въ то же время получилъ извѣстіе, что самъ Шахъ Персидскій съ сорока тысячнымъ корпусомъ переправился черезъ Араксъ и намѣренъ идти на Елисаветполь. Тотчасъ Князь сдѣлалъ соображеніе, откуда и какія войска могъ онъ собрать и противопоставить Персіянамъ, и самъ имъ написалъ повелѣнія идти форсированнымъ маршемъ. Но всѣ наши силы, которыя по распоряженіямъ Князя должны были соединиться въ Елисаветполѣ, не превышали тысячи человѣкъ, включая въ то число нѣсколько сотенъ донскихъ и линѣйныхъ казаковъ. Всѣ собрались къ назначенному времени, и Князь тотчасъ выступилъ на выручку къ Карягину и на встрѣчу къ Шаху.

«Князь сколько возможно облегчилъ солдатъ; ранцы и шинели были сложены на взятыя у обывателей подводы. Онъ приказалъ разстегнуть мундиры, снять галстуки, но за всѣмъ тѣмъ жаръ былъ нестерпимый и большихъ переходовъ дѣлать было не возможно; люди изнемогали отъ ужаснѣйшаго палящаго зноя, и ежедневно по нѣскольку человѣкъ падали на маршѣ отъ совершеннаго истощенія силъ. Такъ прошло трое сутокъ; на четвертые лошли мы до рѣки Тертери, и въ первый разъ встрѣтились съ персидскою кавалеріею отправленною за тѣмъ, чтобы выжигать хлѣбъ на поляхъ. Расправа была не долгая: нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ распространили смятеніе въ

рядахъ непріятеля, который по обычаю далъ тягу. На слѣдующее утро мы подошли къ раззоренному и выжженному селенію, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости Мухранъ, гдѣ держался молодецъ, Карягинъ. Князь послалъ ему повелѣніе оставить крѣпость и присоединиться къ нему. Вы уже знаете, какой былъ сдѣланъ пріемъ Карягину, Котляревскому и всему молодецкому отряду.

«Но отдыхъ Карягина продолжался не долго. Въ тотъ же день послѣ вечерней зари, Карягинъ, съ присоединеніемъ семидесяти егерей къ остаткамъ храбраго его отряда, выступилъ по приказанію Князя въ Елисаветполь. Путь туда предстоялъ черезъ большія горы; вести пушки по горамъ было бы очень затруднительно, они были оставлены у насъ, и опять тотъ же вѣрный и преданный Юзбаша съ шестидесятью вооруженными карабахскими Армянами взялся быть провожатымъ черезъ горы.

«Самъ князь Павелъ Дмитріевичъ съ войскомъ своимъ состоявшимъ, менѣе чѣмъ изъ тысячи человѣкъ, остался на мѣстѣ въ ожиданіи достовѣрныхъ свѣденій, какое возьметъ дальнѣйшее направленіе Шахъ съ сорока-тысячною своею арміею, съ тѣмъ чтобы сообразить, съ какой стороны удобнѣе будетъ напасть и поколотить его. Но храбрый мудрый нашъ противникъ, при первомъ извѣстіи, что самъ князь Цицiановъ идетъ противъ него, перепугался и тотчасъ бѣ-

жалъ за Араксъ. Узнавъ о побѣгѣ его, Князь выступилъ было противъ Аббазъ-Мирзы; но и онъ всячески избѣгалъ встрѣчи съ нами, и мы дошли до Аскараны, не видавъ нигдѣ непріятеля.

«Между тѣмъ Карягинъ добрался безъ всякихъ хлопотъ до Елисаветполя. Но лишь только успѣлъ немного отдохнуть, какъ опять предстали ему новыя заботы и опасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ новое приращеніе славы и отличія. Аббасъ-Мирза, (какъ то послѣ открылось) довольно удачно схитрилъ. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ княземъ Циціановымъ, какъ потому, что тягаться съ нимъ не такъ то ему было легко, а еще болѣе по той причинѣ, что нѣкоторые, приверженные ему или подкупленные, Елисаветпольскіе жители дали ему знать о слѣдованіи изъ Тифлиса большаго транспорта съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ всего только трехъсотъ человѣкъ пѣхоты и драгунъ, съ двумя пушками. Аббасъ-Мирза тотчасъ бросился на этотъ транспортъ; съ чѣмъ, какъ вы думаете? Не болѣе и не менѣе какъ съ пятнадцатью тысячами конницы и пѣхоты своей. Какъ вамъ это нравится? Пятнадцать тысячъ противъ трехъсотъ человѣкъ! По всѣмъ вѣроятностямъ казалось бы, что транспортъ тотчасъ будетъ захваченъ, и прикрытіе разомъ уничтожено и раздавлено, но не тутъ то было. Командовавшій этимъ прикрытіемъ храбрый подпоручикъ Данцовъ, (имена такого роду отличныхъ офицеровъ невольно

распорядился, что непріятель съ большею потерею бѣжалъ пазадъ. Однако жъ и нашимъ обошлось это нападеніе весьма не даромъ, а самое главное было то, что начальникъ прикрытія, истинный герой Данцовъ, былъ смертельно раненъ и вскорѣ потомъ умеръ. Вмѣсто его принялъ начальство старшій по немъ прапорщикъ Плотневскій, который пользуясь временнымъ смятеніемъ и отступленіемъ непріятеля, поспѣшилъ дать знать Карягину объ отчаянномъ своемъ положеніи. Два драгуна вызвались на это отважное и опасное порученіе, и счастливо доскакали до Елисаветполя.

У Карягина, хотя было точно желѣзное здоровье, однако жъ раны, безпрерывныя тревоги, труды, недостатокъ въ пищѣ и въ необходимомъ хоть самомъ кратковременномъ отдыхѣ послѣ трудовъ, чрезвычайно истощили его силы. Онъ долженъ былъ слечь въ постель; но узнавъ бѣдственное положеніе транспорта, не смотря ни на что, вскочилъ, велѣлъ ударить тревогу, и не болѣе какъ въ полчаса, съ отрядомъ своимъ, присоединивъ къ нему еще нѣсколько выздоровѣвшихъ, выступилъ на выручку транспорта.

Кстати и очень кстати подоспѣлъ Карягинъ на помощь къ транспорту. Отрядъ, составлявшій прикрытіе, былъ уже въ самомъ отчаянномъ положеніи. Большая часть людей были перебиты и

переранены; отрядъ оставался безъ начальника; одинъ офицеръ, Данцовъ, былъ, какъ я уже вамъ сказывалъ, убитъ; принявшій послѣ него команду прапорщикъ Плотневскій былъ, отъ крайней его запальчивости и неосторожности, захваченъ въ плѣнъ. Но не смотря ни на что, нижніе чины, поклялись не отдаваться живыми и защищаться до послѣдней капли крови. Они вполнѣ исполнили эту клятву, отвергли всѣ великолѣпныя предложенія и обѣщанія Аббасъ-Мирзы, и не взирая на ужаснѣйшій зной и совершенный недостатокъ въ водѣ, они, удержались до прибытія Карягина. Наконецъ, благодаря Бога, Карягинъ выручилъ ихъ изъ бѣды, прогналъ непріятеля и спасъ какъ весь транспортъ, такъ и оставшихся въ живыхъ молодцовъ, бывшихъ въ прикрытіи этого транспорта. Однако жъ, лишь только успѣли они свободно вздохнуть, какъ опять возобновились атаки непріятеля. Карягинъ тотчасъ построилъ весь отрядъ въ каре, и по прежнему обычаю такъ удачно поподчивалъ Персіянъ пушечными выстрѣлами, что они попрежнему же обычаю обратились въ бѣгство и скрылись въ сдѣланные ими заблаговременно окопы. Этого то и было надобно Карягину. Ему было извѣстно черезъ лазутчиковъ его, Армянъ, что одно его имя приводитъ Персіянъ въ ужасъ. Онъ воспользовался пріобрѣтенною надъ ними поверхностію, бросился со врѣзываются въ памяти на всегда) такъ хорошо

всѣмъ отрядомъ на штыки, выбилъ непріятелей изъ окоповъ, не давъ имъ опомниться, и захватилъ даже ихъ батареи съ пушками; потомъ не теряя минуты открылъ жестокій огонь по самому лагерю Аббасъ-Мирзы. Послѣдствіемъ этихъ правильныхъ и сообразныхъ съ обстоятельствами распоряженій было то, что Аббасъ-Мирза поспѣшно оставилъ свой лагерь и побѣжалъ куда глаза глядятъ, бросивъ множество хлѣба и повозокъ. Все это успѣлъ захватить Карягинъ. Одержавъ такимъ образомъ блистательную побѣду, онъ возвратился въ Елисаветполь съ военными трофеями и большею добычею, захваченною въ лагерѣ Аббасъ-Мирзы. Черезъ нѣсколько дней потомъ и князь Цицiановъ прибылъ съ своимъ войскомъ въ Елисаветполь.

Вскорѣ послѣ того Аббасъ-Мирза оставилъ подвѣдомственныя и покорившіяся Россіи владѣнія. Тѣмъ окончились всѣ военныя дѣйствія въ 1805 году.

Князь Цицiановъ, въ донесеніи своемъ Государю, наименовалъ Карягина и Котляревскаго наихрабрѣйшими, примѣрно отличнѣйшими офицерами, дѣлающими честь ввѣренному ему корпусу. Какъ они, такъ и всѣ находившіеся въ отрядѣ, по ходатайству князя получили большія награды. Сохранившій непоколебимую вѣрность и преданность, Армянинъ Юзбаша былъ пожалованъ въ прапорщики и сверхъ того дана

ему золотая медаль на шею и пожизненный пенсіонъ по двѣсти рублей серебромъ въ годъ.

Къ сожалѣнію раны, увѣчье и послѣдовавшее отъ того разслабленіе силъ и частыя болѣзни Карягина, положили преграду дальнѣйшему его служенію.

Черезъ годъ послѣ разсказанной вамъ славной экспедиціи его, онъ умеръ, оставивъ воспоминаніе о себѣ какъ о храбромъ, неустрашимомъ, славно знающемъ свое дѣло военноначальникѣ и добрѣйшемъ, благороднѣйшемъ человѣкѣ.

Теперь къ дополненію разсказа о подвигахъ Карягина, надобно вамъ прочитать присланный къ нему отъ князя Павла Дмитріевича отвѣтъ, который Карягинъ долженъ былъ послать къ Аббасъ-Мирзѣ, въ отвѣтъ на предложеніе его сдаться въ плѣнъ. Я изъ любопытства сохранилъ копіи, какъ съ этаго отвѣта, такъ и со многихъ прокламацій и переписокъ князя съ Персидскимъ Шахомъ и съ нѣкоторыми владѣльцами горскихъ народовъ.»

Изъ числа многихъ бумагъ у него хранившихся полковникъ выбралъ и прочиталъ намъ слѣдующее:

«Нигдѣ въ просвѣщенныхъ и извѣстныхъ царствахъ, чужаго государства чиновнику повелѣнія не пишутъ; но не смотря на сіе, по повелѣнію главнокомандующаго отъ Каспійскаго моря до Чернаго генерала отъ инфантеріи и разныхъ орде-

новъ кавалера князя Павла Дмитріевича Циціанова, отвѣчаю вамъ на вопросъ, сдѣланный мнѣ Мирзою Ростомомъ, за что мы земли ваши занимаемъ? Ни я, ни самъ главнокомандующій и главноуправляющій Грузіею вамъ на сіе отвѣта дать не можетъ. А такъ какъ всякій генералъ долженъ свято исполнять повелѣнія своего Государя, то и главнокомандующій въ Грузіи исполняетъ повелѣніе Его Императорскаго Величества Государя государей. Богомъ вознесеннаго Великаго Императора, который положилъ границами Россіи рѣки Араксъ и Куру. Въ письмѣ вашемъ изволите писать, что родитель вашъ ко мнѣ милость имѣетъ: а я васъ имѣю честь увѣдомить, что воюя съ непріятелемъ, милости у него не ищетъ никто, кромѣ измѣнниковъ. Я же посѣдѣвшій подъ ружьемъ, за счастіе себѣ сочту пролить кровь мою на службѣ Его Императорскаго Величества.»

Этотъ отвѣтъ, сочиненный и писанный собственною рукою князя Павла Дмитріевича, служитъ доказательствомъ, что онъ вполнѣ понималъ духъ народа, съ которымъ имѣлъ дѣло, и зналъ какъ должно дѣйствовать съ Азіятцами.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

№ 307. 1849. 1 Апрѣля.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ

СТАРАГО КАВКАЗСКАГО ВОИНА.

(Окончаніе).

Надобно правду сказать, что несмотря на все уваженіе и увѣренность въ правдивости и прямодушіи почтеннаго нашего полковника, также и бывшаго корпуснаго нашего товарища штабъ офицера, считалъ я весьма преувеличенными и не совсѣмъ вѣроятными разсказы ихъ, въ особенности же о подвигахъ Карягина. Можно ли, думалъ я, чтобы онъ съ слабымъ отрядомъ своимъ, бывши нѣсколько разъ окруженъ непріятелемъ, не вдвое и не втрое, а въ двадцать разъ сильнѣе его, могъ

не только съ успѣхомъ отражать безпрерывныя нападенія, но еще бить и брать пушки, и тѣмъ болѣе еще когда отрядъ его, постепенно уменьшенный убитыми и ранеными, дошелъ наконецъ до того, что оставалось не болѣе ста человѣкъ, и съ этою горстью людей, безъ достаточнаго продовольствія, держаться въ крѣпости отвсюду окруженной нѣсколькими тысячами Персіянъ; а къ довершенію всего, при совершенномъ истощеніи всѣхъ способовъ, обмануть ихъ, и такъ сказать изъ-подъ носу ихъ уйти и присоединиться къ главнокомандующему. Я не рѣшался дѣлать возраженій или просить по нѣкоторымъ предметамъ разсказа поясненій, но признаюсь, многое мнѣ казалось невѣроятнымъ. Однакожъ, прослуживъ нѣкоторое время въ кавказскомъ корпусѣ, я потомъ вполнѣ убѣдился, что если начальникъ съумѣетъ пріобрѣсти уваженіе и довѣренность къ себѣ русскаго солдата, то для него не будетъ ничего невозможнаго. Тогда можетъ начальникъ свершать такіе подвиги, которые точно при разсказѣ могутъ показаться невѣроятными и преувеличенными. Въ этомъ, еще повторяю, я совершенно увѣрился во время службы моей въ кавказскомъ корпусѣ.

Къ сожалѣнію, служба эта продолжалась не долго и разсказъ о томъ, что я видѣлъ и въ чемъ самъ участвовалъ, будетъ непродолжителенъ. Я поступилъ въ полкъ, самый любимый тогда Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, нашимъ главноко-

мандующимъ; онъ называлъ нашъ полкъ десятымъ легіономъ, славившимся, какъ извѣстно, особенною неустрашимостію въ Римскомъ войскѣ. Алексѣй Петровичъ былъ почти всегда съ нашимъ полкомъ, бралъ его во всѣ экспедиціи, предпринимаемыя подъ личнымъ его начальствомъ; въ лагерѣ и во время переходовъ онъ никогда не отлучался отъ рядовъ нашихъ; зналъ по имени не только всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, но и большую часть унтеръ-офицеровъ и солдатъ; имѣлъ необыкновенное, немногимъ свойственное искуство заставвить себя любить всѣхъ, кто былъ подъ его командою. Словомъ, видѣвши какъ дѣйствовалъ Ермоловъ, я вполнѣ убѣдился въ томъ, что все слышанное мною о князѣ Циціановѣ, также о Гуляковѣ, Несвѣтаевѣ, Карягинѣ, Лисаневичѣ и Котляревскомъ было справедливо, и разсказы о подвигахъ ихъ ни сколько не преувеличены.

Первое вступленіе мое на настоящее военное поприще, то есть участіе въ сраженіи съ непріятелемъ, свершилось подъ личнымъ начальствомъ самаго Ермолова.

Хотя вскорѣ, послѣ прибытія моего въ кавказскій корпусъ, начали говорить о предстоящемъ намъ походѣ въ горы, однако куда именно пойдемъ мы и съ какимъ народомъ будемъ имѣть дѣла, еще не было извѣстно. Приготовленія къ походу долго продолжались, и мы, новички, страстно хотѣвшіе скорѣй ознакомиться съ образомъ войны на Кавказѣ,

выходили изъ терпѣнія. Наконецъ получено было росписаніе полковъ по разнымъ отрядамъ и командамъ. Съ восхищеніемъ узнали мы, что нашъ полкъ назначенъ въ отрядъ, предводительствуемый Ермоловымъ; онъ вскорѣ прибылъ изъ Тифлиса, и мы выступили.

Въ нѣсколько переходовъ мы пришли во владѣніе шамхала и остановились, какъ говорили, на самое короткое время въ принадлежащемъ ему городѣ Таркахъ. Но здѣсь настигли насъ такія мятели, какихъ мы и среди нашего отечества не видывали. Артиллерійскій нашъ паркъ и полковые обозы, стоявшіе на полѣ, близъ города, заносило всякую ночь, такъ что съ утра почти до вечера должно было очищать нанесенный снѣгъ. Провіянтъ почти уже весь былъ издержанъ: мѣстное продовольствіе отъ города также истощалось, и мы начинали терпѣть недостатокъ, но не было ни унынія, ни ропоту между солдатами; всякій зналъ, что сильныя мятели препятствовали ходу ожидаемаго транспорта съ провіянтомъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней непріятнаго бездѣйствія и недостатка въ продовольствіи, погода прояснилась; транспортъ съ провіянтомъ, отправленный съ кавказской линіи и задержанный въ пути сильными мятелями, прибылъ; всѣ мы ободрились и съ удовольствіемъ готовились къ дальнѣйшему слѣдованію, и только въ это время узнали мы настоящее назначеніе наше.

Ермоловъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ семитысячъ человѣкъ, шелъ покорить Акушинскую область, самую обширную и воинственную во всемъ Дагестанѣ. Мы узнали, что для встрѣчи насъ готово уже болѣе двадцати-пяти тысячъ человѣкъ, и что намъ предстоитъ взбираться на неприступныя, грозно возвышавшіяся передъ нами горы; но никто не сомнѣвался, что мы пройдемъ черезъ эти горы, разобьемъ непріятеля и предпріятіе Ермолова будетъ увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Прибывъ недавно въ этотъ край, мы вскорѣ были проникнуты общимъ духомъ кавказскихъ войскъ, то есть безпредѣльною довѣренностію къ главному своему начальнику; всѣ были убѣждены, что онъ твердо и отлично знаетъ своэ дѣло и не иначе приступаетъ къ свершенію своихъ предпріятій, какъ по зрѣломъ обсужденіи и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ.

Рота моя была назначена въ авангардъ отряда, и мы, благословясь, первые начали взбираться на одну изъ самыхъ высокихъ горъ, называемую «Каланта». Крутизна въ иныхъ мѣстахъ была такъ велика, что даже невозможно было ѣхать верхомъ на привычныхъ горскихъ лошадяхъ. Я велъ коня своего за поводья и мы кое-какъ вмѣстѣ карабкались; наконецъ утомительное и опасное движеніе наше благополучно окончилось: мы достигли вершины горы и остановились, для

защиты этаго мѣста отъ внезапнаго нападенія непріятеля.

Величайшее затрудненіе было съ артиллерійскими орудіями: вести ихъ на лошадяхъ не было ни какой возможности; люди тащили ихъ на себѣ съ превышающимъ всякое вѣроятіе трудомъ и опасностію, но ни кто не ропталъ и не жаловался.

Достигнувъ съ авангардомъ прежде прочихъ вершины горы и увидѣвъ, что пространство этой вершины составляло не болѣе пятидесяти саженъ, я удивился какъ непріятель, имѣя, какъ утверждали, двадцать пять тысячъ человѣкъ и зная, что намъ нѣтъ другой дороги какъ черезъ эту гору, не занялъ вершины прежде насъ. Что бы могли мы сдѣлать тогда? Обойти гору, по мѣстному положенію, не было ни какой возможности; брать ее приступомъ предстояла таже невозможность, потому что артеллерія наша съ подошвы горы дѣйствовать не могла; лѣзть съ штыками какъ на стѣны крѣпости тоже было нельзя, ни какой гигантской силы не достало бы на это. Словомъ, должно было отдать всю справедливость предусмотрительности и правильнымъ соображеніямъ нашего главнокомандующаго. Онъ, разными переговорами и предложеніями, мастерски умѣлъ усыпить непріятеля, воспользовался оплошностію его и достигнулъ самаго выгоднаго результата, не потерпѣвъ ни какой потери.

Такимъ образомъ заявъ высокую и по общему мнѣнію неприступную гору Каланту, то есть преодолѣвъ самыя важныя затрудненія предстоявшей экспедиціи, намъ оставалось только нѣсколько переходовъ до встрѣчи съ непріятелемъ.

Духъ бодрости, единодушія, согласія и веселости, одушевлявшій всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ, наполнялъ душу мою какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ прежде, сладостнымъ ощущеніемъ. Всѣ безпокойства, затрудненія, неизбѣжныя лишенія и перемѣна въ образѣ жизны нисколько неутомляли и не тяготили меня: я не шелъ, а какъ будто летѣлъ на славный пиръ. Словомъ, воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ при вступленіи моемъ въ дѣйствительную службу, то есть участіе въ военныхъ экспедиціяхъ кавказскаго корпуса, останутся на всю мою жизнь незабвенными.

Наконецъ приблизились мы къ непріятелю. Начальникъ авангарда занялъ попавшуюся намъ на пути деревню, лежавшую на крѣпкой и хорошей позиціи, донесъ главнокомандующему и отрядилъ небольшую часть казаковъ изъ авангарда для рекогносцированія и открытія непріятеля. Я былъ тогда капитаномъ, и пользуясь хорошимъ расположеніемъ начальника авангарда, убѣдилъ его поручить мнѣ это дѣло.

Начальствуя надъ расторопными, опытными и знающими свое дѣло казаками, я приблизился со всѣми предосторожностями къ непріятелю,

укрѣпившемуся на противуположномъ хребтѣ неприступныхъ какъ казалось горъ; но для исполненія въ точности даннаго мнѣ порученія должно было осмотрѣть мѣстность и открыть ближайшее и удобнѣйшее средство къ нападенію на непріятеля. Въ право отъ насъ былъ большой оврагъ: я оставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи казаковъ моихъ и отправился на противоположную сторону оврага. Оглядываясь на всѣ стороны, увидѣлъ я, не болѣе какъ въ 50 шагахъ отъ себя, непріятельскій пикетъ, засѣвшій за каменьями съ ружьями на присошкахъ. Я осадилъ мою лошадь и въ то же время прожужжало мимо ушей моихъ нѣсколько пуль. Возвратиться назадъ не осмотрѣвъ оврага, значило бы исполнить не съ должною добросовѣстностію данное мнѣ приказаніе; притомъ же мнѣ стыдно было возвратиться къ казакамъ своимъ, какъ бы испугавшись первыхъ выстрѣловъ. Все это заставило меня не только не скакать назадъ, а еще болѣе приблизиться къ оврагу. По мнѣ послѣдовалъ еще залпъ, и одинъ злодѣй мѣтившій прямо мнѣ въ голову, къ счастію не много ошибся, онъ прострѣлилъ мою фуражку и сорвалъ ее съ головы.

Между тѣмъ казаки, услышавъ выстрѣлы, подскакали ко мнѣ.

Вскорѣ потомъ квартирмейстерскій офицеръ, находившійся при главнокомандующемъ, привезъ повелѣніе отъ него вытѣснить непріятельскій пи-

кетъ изъ оврага, а самому этому офицеру, командированному для съемки позиціи, приказано было дать нужное прикрытіе и всѣ способы къ совершенію сдѣланнаго порученія.

Это повелѣніе было тотъчасъ исполнено. Стрѣлки наши бросились въ оврагъ и выгнали оттуда непріятеля; авангардъ остановился, а квартирмейстерскій офицеръ отправился впередъ, чтобы избрать мѣсто, удобное для съемки. Пресерьезно сѣлъ онъ на одномъ скалистомъ обрывѣ, прямо противъ непріятельской позиціи, спустилъ ноги внизъ, въ обрывъ, какъ будто у себя въ кабинетѣ на покойномъ диванѣ, вынулъ карандашъ, бумагу, и принялся за дѣло, не смотря на то, что мѣсто было открыто и что онъ могъ служить прекрасною цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ; за этимъ дѣло не стало: нѣсколько человѣкъ ползкомъ придвинулись къ нему на близкое разстояніе и онъ разомъ со всѣхъ сторонъ осыпанъ былъ градомъ пуль; но по необыкновенному и невѣроятному счастію, ни одна пуля въ него не попала; раздробленные выстрѣлами камни съ утеса осыпали его и много попало къ нему на бумагу. Онъ преспокойно остался на своемъ мѣстѣ, стряхнулъ попавшіе на бумагу обломки камней и продолжалъ какъ будто ни въ чемъ не бывало, свое дѣло. Опять раздались выстрѣлы, опять обломки камней посыпались на него, и онъ опять не двинулся съ мѣста. Начальникъ авангарда и многіе

офицеры, въ томъ числѣ и я, бросились къ нему и убѣждали его отодвинуться хотя нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы за скалою скрыться отъ пуль! — Не мѣшайте мнѣ, господа, сказалъ онъ: напрасно вы меня уговариваете: избранное мною мѣсто самое удобное для съемки, и я не сойду, пока не окончу своего дѣла.—Между тѣмъ пули осыпали и его и насъ. Мы отошли за скалу, а онъ не пошевелился и не сошелъ, пока не провелъ послѣдняго штриха на планѣ. Окончивъ свое дѣло, онъ свернулъ бумагу и подошелъ къ намъ. Я съ любопытствомъ посмотрѣвъ на планъ, не замѣтилъ, чтобы руки его гдѣ либо тряслись; линіи проведенные карандашемъ, были вездѣ тверды и вѣрны.

Такой подвигъ неустрашимости и твердости духа въ молодомъ офицерѣ никого не удивилъ, когда мы послѣ разсказывали: это было такъ обыкновенно въ кавказскомъ корпусѣ.

По причинамъ, которыя объяснились намъ въ послѣдствіи, авангардъ нашъ получилъ повелѣніе оставить занятую нами противъ непріятеля позицію, и присоединиться къ главному отряду. Мы простояли въ бездѣйствіи нѣсколько дней. Между тѣмъ главнокомандующій ѣздилъ обозрѣвать непріятельскую позицію и окрестныя мѣста. Мы не понимали, отчего не трогаемся впередъ и стоимъ безъ всякаго дѣла на одномъ мѣстѣ; но вскорѣ причины тому намъ открылись. Глав-

нокомандующій велъ переговоры и требовалъ къ себѣ для личнаго объясненія старшинъ непріятельскихъ. Къ изумленію нашему, они явились безъ всякихъ предосторожностей къ намъ въ лагерь, по требованію нашего генерала. Въ это время убѣдился я на самомъ опытѣ въ томъ, что мнѣ прежде говорили; то есть, что Ермоловъ умѣлъ пріобрѣсть отъ всѣхъ горскихъ непріязненныхъ намъ народовъ такое къ себѣ уваженіе и довѣренность, что обѣщаніямъ и словамъ его они вѣрили, какъ своему алкорану. Не знаю, въ чемъ заключались объясненія этихъ старшинъ съ нашимъ командиромъ, только всѣ мы видѣли, что онъ обходился съ ними ласково, угощалъ ихъ и велѣлъ проводить изъ лагеря до нашихъ аванпостовъ.

Вскорѣ по отбытіи ихъ получили мы повелѣніе готовиться къ походу. Въ два часа ночью, выступили мы на позицію, которую занималъ прежде нашъ авангардъ. Безъ всякаго шуму спустился отрядъ въ оврагъ, и пройдя его, обратился къ ущелью въ обходъ непріятельской позиціи. Движеніе это свершилось удачно; артиллерійскія орудія спускали въ оврагъ, и потомъ везли по ущелинѣ на рукахъ. Казаки вели лошадей своихъ и артиллерійскихъ въ поводу. Все шло тихо, стройно, ни въ чемъ не было ни остановки, ни затрудненій, и къ свѣту явился весь отрядъ нашъ къ совершенному изумленію непріятеля, на пра-

вомъ его флангѣ, отрѣзавъ чрезъ то сообщеніе его съ селеніемъ Левашомъ, гдѣ находились ихъ семейства и имущества, какъ въ безопасномъ по ихъ соображеніямъ мѣстѣ.

Въ полномъ смятеніи бросились горцы съ укрѣпленной своей позиціи, защищать высоты, лежащія на пути къ селенію, гдѣ были собраны жены, дѣти и все ихъ имущество. Но уже было поздно и всѣ усилія непріятеля остались безуспѣшными; храбрые наши молодцы на штыкахъ тѣснили ихъ и сгоняли съ одной высоты на другую, неутомимо преслѣдуя ихъ, по распоряженію самаго Ермолова, бывшаго съ авангардомъ впереди. Непріятель въ величайшемъ безпорядкѣ предался бѣгству и былъ живо преслѣдуемъ молодцами линѣйными казаками. Такимъ образомъ всѣ препоны, противопоставленныя намъ природою и многочисленнымъ непріятелемъ, были преодолѣны, и побѣда одержанная посредствомъ личной храбрости, неутомимости, хладнокровія и знанія дѣла нашего главнокомандующаго, стоила намъ не болѣе сорока пяти человѣкъ, убитыми и ранеными. Дальнѣйшій походъ нашъ можно было назвать веселою прогулкою. Нигдѣ непріятель не показывался, и мы безъ всякаго сопротивленія заняли главный непріятельскій городъ Акушу. Съ изумленіемъ смотрѣли мы на прекрасныя жилища поселянъ, попадавшіяся намъ на пути къ городу Акушѣ. Дома ихъ, выстроенные изъ необож-

женнаго кирпича, были обширны, содержались въ чистотѣ и опрятности. Всего болѣе поразила меня обработка земли въ этихъ гористыхъ мѣстахъ. На самыхъ крутизнахъ очищены были, какъ заключить должно, съ большимъ трудомъ и усиліями, площадки поддерживаемыя контрафорсами: словомъ, такого роду обработываніе земли могло бы сдѣлать честь самымъ просвѣщеннымъ Европейцамъ. Никогда не забуду вечернихъ зорь, во время пребыванія нашего въ Акушѣ. Полковая музыка, съ барабанами всего отряда, ракеты пускаемыя съ высокихъ горъ и залпы изъ пушекъ повторялись эхомъ въ многочисленныхъ ущеліяхъ, на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности; все это, какъ можно вообразить, наводило ужасъ на жителей бѣжавшихъ изъ селеній, и искавшихъ убѣжища въ этихъ ущеліяхъ. Всѣхъ ихъ безоружныхъ и въ особенности женъ и дѣтей, можно бы было стѣснить и взять безъ всякаго сопротивленія. Но главнокомандующій нашъ не велѣлъ ни къ чему прикасаться и дать имъ полную свободу, такъ, что они ободрились и начали постепенно выходить изъ своихъ убѣжищъ. Кончилось тѣмъ, что весь народъ, благодарный за великодушіе и пощаду безоружныхъ и безсильныхъ, выслалъ своихъ старшинъ, съ предложеніемъ покориться безусловно Русскому Императору и выдать намъ аманатовъ. Такъ успѣшно свер-

шилъ Ермоловъ свое предпріятіе, и мы возвратились на квартиры.

Эта первая экспедиція, въ которой я участвовалъ, поступивъ въ кавказскій корпусъ, сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе. Тогда записывалъ я всѣ подробности; послѣ того, находясь почти безпрерывно въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, не имѣлъ ни времени, ни нужды записывать. Все шло своимъ порядкомъ; вездѣ побѣда сопровождала насъ. Безпрестанно видѣлъ я, съ какою неустрашимостію, отважностію и самоотверженіемъ служили всѣ въ кавказскомъ корпусѣ, начиная отъ генерала до послѣдняго солдата, и ничто не удивляло меня; сверхъ-того вскорѣ почтенный нашъ полковникъ, былъ произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры и назначенъ бригадпымъ командиромъ, я также былъ произведенъ въ маіоры и вскорѣ потомъ за отличіе въ подполковники. Алексѣй Петровичъ вездѣ, гдѣ было только дѣло поважнѣе, посылалъ бывшаго моего начальника съ особыми отрядами, а онъ всегда упрашивалъ, чтобъ меня командировали въ его отрядъ: такимъ образомъ, мы съ нимъ были почти безпрерывно въ движеніи изъ одного края въ другой, то на границахъ Грузіи, то на кавказской линіи, и у меня осталось въ памяти только нѣсколько необыкновенныхъ событій, или лично съ самимъ мною, или при мнѣ свершившихся. Навсегда останется въ памяти моей переходъ нашъ че-

резъ Баксанское ущелье, въ большой Кабардѣ, по крутому берегу бьющей какъ водопадъ рѣки Баксана, стѣсненной со всѣхъ сторонъ громадными горами. Намъ должно было проходить черезъ подмытую рѣкою скалу, висящую надъ свирѣпымъ и шумнымъ Баксаномъ. По тропинкѣ, какъ по карнизу, шириною въ иныхъ мѣстахъ не болѣе полутора аршина, должно было слѣдовать нашему отряду. Самъ генералъ Ермоловъ находился съ нами. Ему извѣстно было черезъ лазутчиковъ, что далѣе на пространствѣ этого ущелья въ одномъ мѣстѣ укрѣпился непріятель; я съ моимъ баталіономъ посланъ былъ впередъ, чтобы вытѣснить его. Пройдя нѣкоторое разстояніе этою узкою тропинкою, имѣвшею, какъ я прежде сказалъ, видъ карниза, подошли мы къ такому мѣсту, гдѣ и эта тропинка обрушилась. Намъ предстала совершенно неожиданная препона къ дальнѣйшему слѣдованію. Провалъ былъ сажени въ три глубины, а потомъ опять продолжалась также тропинка. Я бросился самъ и послалъ отъискивать другую дорогу, чтобы миновать провалъ; по крутыя, каменныя, голыя скалы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, проходу рѣшительно не было нигдѣ и я въ отчаяніи хотѣлъ было уже возвратиться, въ то время подошелъ ко мнѣ старый кавказскій ветеранъ, котораго всѣ въ баталіонѣ называли *дядей*. — «Какъ же это, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ, вернуться назадъ, вѣдь

воля ваша, не приходится: у насъ еще такого примѣру не было, чтобы мы не дошли туда, куда приказалъ Алексѣй Петровичъ. — Да что жъ намъ дѣлать, отвѣчалъ я съ нѣкоторою досадою. Вишь, у насъ крыльевъ нѣтъ, чтобы перелетѣть черезъ провалъ. — «Какъ что дѣлать? продолжалъ *баталіонный дядя*: а вотъ позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе». Съ этимъ словомъ снялъ онъ съ себя скатанную шинель, развернулъ ее и бросилъ въ провалъ. — «Ну, ребята, шинели долой и бросайте туда». Всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ перекрестился и первый кинулся въ провалъ съ ружьемъ. — «Эге, эге! да какъ мягко ребята, кричалъ онъ оттуда: постойте дайте я еще поправлю и поразстелю шинели, чтобы вамъ было еще мягче». Я поблагодарилъ дядю за славную его выдумку, и самъ спрыгнулъ къ нему; за мною послѣдовали другіе офицеры, одинъ за другимъ, а потомъ и солдаты. Благодаря Бога, всѣ мы очень удачно свершивъ наше прыганье, пошли далѣе и сдѣлали свое дѣло: прогнали непріятеля изъ ущелья и очистили дорогу для своего отряда.

Въ то же время другой баталіонъ былъ отправленъ по противуположному берегу, чтобы открыть, нѣтъ ли въ ущельяхъ гдѣ-нибудь засады непріятельской. Этому баталіону встрѣтились совсѣмъ другаго рода препятствія: ему должно было идти также по узенькой тропинкѣ, которая

вдругъ прегражденa была каменною скалою, какъ-будто нарочно выстроенною. Съ большимъ трудомъ отыскали въ одномъ мѣстѣ этой скалы небольшое отверстіе, черезъ которое долженъ былъ перебираться весь баталіонъ по одиначкѣ; всѣхъ труднѣе это было для маіора; съ большимъ трудомъ онъ могъ протискаться черезъ него.

Такимъ образомъ весь остальной отрядъ могъ уже свободно идти чрезъ открытую нами дорогу. Встрѣтившійся мнѣ провалъ засыпали камнями и землею; узкое отверстіе въ скалѣ, чрезъ которое долженъ былъ не совсѣмъ легко и пріятно путешествовать маіоръ съ брюшкомъ своимъ, кое-какъ порасширили; и главный отрядъ, къ которому и я съ моимъ баталіономъ присоединился, слѣдовавшій по тому берегу Баксана, по которому я былъ посланъ впередъ, продолжалъ дальнѣйшій переходъ по той же узкой тропинкѣ, въ видѣ карниза: но слѣдованіе наше представляло величайшія затрудненія и опасности, въ особенности же для казаковъ, которые были необходимы при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда. Они вели лошадей своихъ въ поводу, однакожъ, не смотря на всѣ употребленныя ими предосторожности, нѣсколько лошадей споткнувшись попадали съ ужасной высоты прямо въ рѣку Баксанъ. Необыкновенно быстрое теченіе повлекло ихъ чрезъ подводные камни и тотчасъ раздробило на мелкія части, стремленіемъ же воды выбрасы-

вало на берегъ, то какъ будто топоромъ отрубленные ноги, то окровавленныя головы несчастныхъ жертвъ. Съ ужасомъ думали мы, что точно тоже было бы и съ нами если бъ кто имѣлъ несчастіе споткнуться, или у кого закружилась бы голова, въ то время когда мы шли по этому карнизу. Однакожъ благодаря Бога, ни какой потери въ людяхъ не было; всѣ благополучно миновали это опасное мѣсто и наконецъ вышли на довольно обширную площадь, гдѣ отрядъ остановился для отдыха.

Однакожъ въ этотъ день я подвергался самой величайшей опасности, и одно только милосердіе Божіе спасло меня. Главнокомандующій нашъ и начальникъ его штаба, храбрѣйшій, чудеснѣйшій генералъ Вельяминовъ, находились на томъ берегу, по которому я шелъ впереди. Адъютанты и ординарцы ихъ были всѣ разосланы съ разными приказаніями, а надобно было отправить весьма важное приказаніи, на другой берегъ къ баталіону, пролѣзавшему какъ я выше сказалъ, черезъ отверстіе въ скалѣ. Я самъ вызвался исполнить это порученіе. Мнѣ предстояло переходить черезъ рѣку по такъ называемой горной переправѣ, то есть по двумъ тонкимъ слегамъ перевязанымъ прутьями и перекинутымъ съ одной скалы на другую. Эти слеги колыхались какъ канатъ акробата; подъ ними ревѣлъ грозный Баксанъ; вода въ быстромъ стремленіи своемъ раздроблялась по подводнымъ кам-

нямъ и обращалась въ мелкій дождь, и я недавно только былъ свидѣтелемъ послѣдствій паденія казачьихъ лошадей въ бездну свирѣпой рѣки. Но что робѣть то хуже, подумалъ я, и смѣло пошелъ по колеблющимся слегамъ. Сначала путешествіе мое было благополучно, но вдругъ ремень подъ сапогомъ моимъ оттянувшійся отъ дождя и верховой ѣзды, зацѣпился за прутья, которыми были связаны слеги; далѣе идти мнѣ было не возможно и на одной ногѣ долженъ я былъ балансировать надъ пропастію. Голова у меня закружилась и какъ нарочно пришли мнѣ на память видѣнные мною трупы лошадей, раздробившихся па части при паденіи ихъ на подводные камни. Меня тоже ожидаетъ, думалъ я; сотворилъ молитву, и чувствуя что голова моя часъ-отъ-часу болѣе кружится и силы ослабѣваютъ, я приготовился къ смерти; но по неизреченному Божіему милосердію, видно за молитвы моихъ родителей, вдругъ почувствовалъ я что нога моя зацѣпившаяся ремнемъ за прутья, не понимаю самъ какимъ образомъ, освободилась; силы мои мгновенно возобновились, я поспѣшилъ впередъ, и благополучно окончивъ опасное странствіе мое, исполнилъ сдѣланное мнѣ порученіе.

Къ возвращенію моему назадъ, по тѣмъ же колеблющимся слегамъ, я принялъ всѣ предосторожности, оторвалъ ремни отъ обоихъ сапоговъ, и, подобно плясуну на канатѣ, взялъ для сохране-

нія равновѣсія шестъ въ обѣ руки; для ободренія же себя вспомнилъ, что въ корпусѣ былъ я изъ числа первыхъ въ гимнастикѣ. Но признаюсь, когда я ступилъ на берегъ, то отъ души поблагодарилъ Бога за избавленіе меня отъ предстоявшей мнѣ ужасной, мучительной смерти.

— Далѣе нѣтъ ничего особенно интереснаго, продолжалъ мой сосѣдъ, перелистывая свой дневникъ, кромѣ разсказа о линейныхъ казакахъ: всякій, кто служилъ на Кавказѣ, отдастъ должную справедливость ихъ отличной храбрости, неустрашимости, ловкости и смѣтливости. Много можно разсказать о молодецкихъ ихъ подвигахъ. Вотъ одно изъ событій, которому я самъ былъ свидѣтелемъ. Въ Чечнѣ, подъ Гороченскимъ укрѣпленіемъ, которое тогда только что начинали строить, лагерь нашего отряда, стоялъ на послѣднихъ ступеняхъ высокихъ горъ, прилегающихъ къ обширной долинѣ, которая простиралась до самой рѣки Терека. Верстахъ въ двухъ отъ лагеря спускались въ эту долину два глубокіе оврага, чрезъ которые могли легко прокрасться непріятельскіе отряды и сдѣлать внезапное нападеніе на лагерь. Для наблюденія за дѣйствіями непріятеля и огражденія лагеря отъ скрытыхъ нападеній, командированъ былъ въ нашъ отрядъ Гребенской казачій линейный полкъ. Храбрый и знающій свое дѣло командиръ этаго полка, полковникъ Ефимовичъ, кромѣ обыкновен-

ныхъ предосторожностей, какъ-то: отдаленныхъ скрытыхъ пикетовъ, ведетовъ и частыхъ разъѣздовъ, отправлялся самъ ежедневно, съ особою партіею, изъ пятидесяти казаковъ, для личнаго обозрѣнія враговъ. Въ одно утро, партія его была готова къ выступленію; подведенная ему лошадь какъ-то заупрямилась и не стояла смирно: онъ садясь на нее зацѣпился саблею за сѣдло и оборвалъ портупею; поправлять было нѣкогда: онъ наказалъ лошадь за упрямство нѣсколькими ударами нагайки, кинулъ портупею съ саблею и отправился въ путь съ двумя пистолетами въ кобурахъ на сѣдлѣ и съ нагайкою въ рукахъ. Приближаясь къ оврагамъ, онъ велѣлъ партіи идти прямо, а самъ поѣхалъ съ двумя казаками, нѣсколько въ сторону на одно возвышеніе, съ котораго удобно было разсмотрѣть по прямому направленію враговъ, не скрылись ли гдѣлибо Чеченцы. На этомъ возвышеніи слѣзъ онъ съ лошади, потому что она не стояла спокойно на одномъ мѣстѣ, и велѣлъ ординарцу подать свою подзорную трубу. Но въ эту самую минуту большая партія Чеченцевъ, человѣкъ до пятисотъ, выскочила внезапно изъ оврага и напала на казаковъ. По малочисленности ихъ, держаться имъ было невозможно, притомъ же заблаговременно было приказано казакамъ, въ случаѣ нападенія сильнаго непріятельскаго отряда, не сопротивляясь, скакать къ лагерю, стараясь чрезъ

то завлечь непріятеля къ скрытой нашей баттареѣ, гдѣ всегда было готово нѣсколько орудій заряженныхъ картечью, чтобы встрѣтить и хорошенько поподчивать незваныхъ гостей. Казаки исполнили это порученіе, поскакали назадъ съ полною увѣренностію, что полковникъ присоединился къ нимъ и скачетъ впереди, но случилось противное. Ефимовичъ и бывшіе съ нимъ казаки, хотя и успѣли вскочить на лошадей, но были совсѣмъ отрѣзаны отъ своихъ и должны были скакать къ лагерю прямо долиною, по высокой густой травѣ. Лошадь казака скакавшаго впереди Ефимовича, запуталась въ травѣ, споткнулась и упала; онъ тоже не успѣлъ удержать своего коня и полетѣлъ черезъ голову на передняго казака; а къ довершенію всего, лошадь ординарца скакавшаго сзади, споткнулась на лошадь Ефимовича и также упала. Къ счастію никто изъ нихъ при этомъ паденіи не ушибся больно, но поймать лошадей своихъ они уже не могли. Такимъ образомъ всѣ трое остались пѣшими, и Ефимовичъ для защиты своей имѣлъ одну только нагайку въ рукахъ. Чеченцы отрядили противъ нихъ трехъ своихъ наѣздниковъ; двое изъ нихъ мѣтко выстрѣлили по казакамъ и положивъ ихъ на мѣстѣ поспѣшили возвратиться къ своимъ, а у мѣтившаго въ Ефимовича осѣклось ружье, но онъ успѣлъ дуломъ ударить его въ спину и нѣсколько разъ повторилъ удары. Избитый до полусмерти и не

имѣя чѣмъ защищаться, Ефимовичъ, собравъ послѣдніе свои силы, старался убѣжать отъ коннаго Чеченца и къ счастію еще, что этому Чеченцу Богъ знаетъ почему не пришло въ голову, докапать его саблею или кинжаломъ. Впрочемъ весьма вѣроятно и то, что можетъ быть онъ хотѣлъ захватить его живаго въ плѣнъ, и за тѣмъ только билъ въ спину ружьемъ, чтобы лишить силъ сопротивляться. Между-тѣмъ одинъ изъ урядниковъ замѣтилъ, что лошадь полковника, также и лошади бывшихъ при немъ ординарца и вѣстоваго, скачутъ полемъ прямо къ партіи однѣ, безъ всадниковъ: онъ закричалъ:» Стой, стой, ребята! полковника нашего нѣтъ, вонъ лошадь его скачетъ одна; онъ или убитъ или попался въ плѣнъ. За мною, за мною, на выручку полковника.» Нѣсколько казаковъ остановились, примкнули къ уряднику, поймали лошадей, подскакавшихъ въ это время къ нимъ, бросились по слѣду протоптанному лошадьми въ травѣ и вскорѣ увидѣли разсказанныя мною продѣлки Чеченца съ Ефимовичемъ. Казаки гаркнули и стремглавъ поскакали на выручку его. Въ это время Ефимовичъ получилъ такой сильный ударъ дуломъ ружья въ шею, что не устоялъ на ногахъ; и еслибъ Чеченецъ не услышалъ крику казаковъ, то вѣрно докапалъ бы его саблею или потащилъ бы за собою на аркапѣ, но увидѣвъ, что стремятся изъдали на него нѣсколько казаковъ, онъ кинулъ

Ефимовича и самъ поскакалъ назадъ къ своимъ; однакожъ казаки бросились его преслѣдовать, догнали и отмстили за своего полковника, то есть тутъ же положили Чеченца на мѣстѣ; остальные подскакали къ Ефимовичу, подняли его, помогли сѣсть на лошадь и вмѣстѣ съ нимъ, подгоняя его лошадь нагайками, пустились прямо въ лагерь. Но и Чеченцы, разсыпавшіеся во время преслѣдованія, собрались опятъ въ кучу и съ яростію бросились на казаковъ. Все это происходило въ нашихъ глазахъ, но съ такою быстротою, что даже отрядный командиръ не успѣлъ сдѣлать распоряженія о высылкѣ подмоги. Къ счастію двѣ сотни Гребенскихъ казаковъ остававшіяся въ лагерѣ, поспѣшно вскочили на лошадей и бросились стремглавъ на помощь къ своимъ. Съ ожесточеніемъ устремились они на Чеченцевъ, опрокинули ихъ и гнали черезъ всю долину до лѣсистыхъ горъ, куда тѣ поспѣшили скрыться. Тѣмъ и кончилась эта весьма непріятная потѣха. Намъ изъ лагеря все было видно, какъ на ладони: мы сосчитали болѣе пятидесяти человѣкъ свалившихся съ лошадей, были ли они убиты, или ранены, неизвѣстно; только кажется порядочно поплатились они за кратковременное торжество свое надъ казаками; однакожъ и со стороны казаковъ восемь человѣкъ сдѣлались жертвами привязанности къ начальнику.

— Вотъ еще одно событіе довольно интересное гдѣ я былъ самъ дѣйствующимъ лицемъ, продолжалъ мой сосѣдъ, перевернувъ еще нѣсколько листовъ въ своемъ дневникѣ.

Офицеръ генеральнаго штаба, который, какъ я выше разсказывалъ, дѣлалъ съемку непріятельской позиціи подъ пулями, былъ послѣ того почти безпрерывно съ нами; вездѣ гдѣ только предстояла какая-либо опасность, его навѣрное можно было найти впереди; къ этому прибавить еще должно то, что онъ пріятнымъ, веселымъ характеромъ своимъ, готовностію всѣмъ жертвовать на помощь товарищамъ, словомъ, отличными нравственными своими качествами, успѣлъ пріобрѣсть уваженіе во всемъ корпусѣ. Мы называли его кавказкимъ рыцаремъ Баярдомъ.

Мы искренно полюбили другъ друга, сблизились, подружились и даже побратались, то есть помѣнялись крестами. Однажды находясь въ экспедиціи за Кубанью, въ отрядѣ подъ главнымъ распоряженіемъ начальника корпуснаго штаба генерала Вельяминова, обратился онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ секретъ. Охотниковъ сопутствовать намъ явилось много. Мы выбрали десять отличныхъ молодцевъ линейныхъ казаковъ и по совѣщаніи съ ними рѣшились отправиться верстъ за двадцать отъ лагеря на извѣстную казакамъ гору, у которой сходится нѣсколько дорогъ; тамъ,

говорили они, встрѣтимся мы навѣрное съ какою нибудь непріятельскою партіею.

Послѣ вечерней зари отправились мы въ путь, вооруженные славными винтовками и взявъ съ собою нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Цѣлую ночь шли мы почти безъ отдыха, и передъ разсвѣтомъ достигнувъ до избраннаго нами пункта, мы залегли подъ обрывистыми скалами въ камыши, которые совершенно насъ скрывали. Не много отдохнули и подкрѣпили себя пищею. Вскорѣ потомъ начала заниматься заря. Невозможно найти достаточныхъ выраженій для описанія прелестей восходящаго солнца въ очаровательныхъ живописныхъ гористыхъ мѣстахъ. Впрочемъ, восхищаться прекраснѣйшею картиною восхожденія солнца и живописнымъ мѣстоположеніемъ было нѣкогда. Все вниманіе наше обращено было на исполненіе принятой нами на себя обязанности. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли вдаль, по всѣмъ направленіямъ дорогъ, соединявшихся вблизи избраннаго нами мѣста и ведущихъ потомъ въ гору въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ. Вдругъ изъ одного ущелья показался всадникъ на красивомъ бѣломъ конѣ, потомъ другой, третій, мы насчитали ихъ до двадцати-шести. Всадникъ на бѣломъ конѣ былъ впереди всѣхъ, прочіе толпились въ нѣсколькихъ шагахъ позади его. Они стали постепенно приближаться къ намъ; но когда подъѣхали саженъ на двѣсти, то бѣлый конь вдругъ остановился, какъ

будто чего-то испугался и бросился назадъ. Всадникъ ударилъ его нѣсколько разъ нагайкою, и рьяный конь поднялся на дыбы, потомъ на мелкихъ прыжкахъ, какъ испуганный олень, пронесся не большое пространство, но какъ будто почуявъ звѣря, уставилъ уши, раздулъ ноздри, фыркнулъ, и опять со всѣхъ ногъ бросился назадъ. Съ удивленіемъ и съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на легкія, могучія движенія коня, воспитанника роскошныхъ долинъ и скалъ Кавказа, также какъ и на ловкость и силу формъ всадника. Величественная его одежда, украшенная панцыремъ и шишакомъ, богатая шашка, кинжалъ и лукъ съ колчапомъ стрѣлъ, все облитое вызолоченымъ наборомъ подъ чернію, обрисовывало, при восходящихъ яркихъ лучахъ солнца, высокій стройный станъ, мужественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестныя черты лица его. Все это давало ему видъ красавца, рыцаря среднихъ вѣковъ. Я смотрѣлъ и любовался на него какъ на героя старинныхъ эпическихъ поэмъ.

Всадникъ, возбудившій до высшей степени вниманіе и любопытство наше, былъ, какъ сказалъ мнѣ сидѣвшій подлѣ меня казакъ, одинъ изъ числа враждебныхъ и самыхъ ожесточенныхъ противъ Россіи горскихъ владѣльцевъ, а окружепъ онъ былъ отважнѣйшими узденями своими.

Удержавъ и повернувъ опять бѣлаго копя своего, бросившагося отъ испугу назадъ, онъ въ

досадѣ на неповиновеніе коня пригнулся къ сѣдлу, ударилъ его, и въ нѣсколько мгновеній, какъ вихрь нагорный, проскакалъ большое пространство, осадивъ коня не болѣе какъ шагахъ въ тридцати отъ насъ. Уздени были тоже на лихихъ коняхъ и не отстали отъ него. Но вѣрный бѣлый конь съ тончайшимъ чутьемъ звѣря почуялъ насъ. Онъ снова фыркнулъ, поднялъ гриву и весь дрожалъ, какъ будто предупреждалъ всадника о предстоявшей ему опасности. Въ это время раздался между нами условленный напередъ сигналъ, легкій едва слышный свистъ, и въ одно мгновеніе десять пуль зажужжало. Выстрѣлы наши были мѣтки; нѣсколько пуль попало прямо во враждебнаго намъ закубанскаго владѣльца, бѣлаго коня его и бывшаго вблизи его узденя. Они оба свалились съ лошадей, и еще одинъ уздень схватился руками за грудь и упалъ на луку сѣдла своего; прочіе бросились къ убитымъ, подхватили ихъ съ особенною ловкостію и проворствомъ, и во весь опоръ понеслись назадъ въ горы. Остальные наши выстрѣлы берегли мы на случай нападенія на насъ самихъ, однакожъ нѣсколько пуль было еще пущено въ слѣдъ бѣгущимъ; мы видѣли что еще одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Съ сожалѣніемъ также смотрѣлъ я на красиваго бѣлаго коня, лишившагося своего всадника. Онъ несъ окровавленную ногу и долго не отставалъ отъ своихъ, но замѣтно было, что силы его постепен-

но истощались, и онъ палъ у подошвы горы, за которою скрылись бѣгущіе. Долѣе оставаться намъ было бы безполезно и опасно: со всею вѣроятностію должно было ожидать, что сильная партія Горцевъ будетъ отправлена противъ насъ. Мы поспѣшили возвратиться въ лагерь.

Съ удовольствіемъ можно также вспомнить о разнообразныхъ видахъ и особенной, извѣстной только въ тамошней сторонѣ охотѣ нашей во время переходовъ и отдыховъ въ лагерѣ. Иногда верхами на лихихъ коняхъ, съ винтовками въ рукахъ пускались мы на травлю огромныхъ кабановъ; на всемъ скаку стрѣляли мы и убивали ихъ, а иногда въ то же время охотились и преслѣдовали испуганныхъ лосей и дикихъ козъ, которыхъ тоже на всемъ скаку убивали; отправлялись иногда пѣшкомъ на куропатокъ и фазановъ. А по ту сторону Кавказа, въ Грузіи, была другаго роду охота: на неутомимыхъ горскихъ коняхъ гонялись мы на разстояніи десяти и болѣе верстъ за несмѣтнымъ числомъ быстрыхъ летучихъ джайрановъ. Джайранъ походитъ на дикую козу по формѣ, но нѣжнѣе и красивѣе; быстроту же и легкость джайрана ни съ какимъ звѣремъ сравнить нельзя. За нимъ охотятся также беркутами, похожими на орловъ. Охота на джайрановъ верхами, съ борзыми собаками, пріятна, но весьма утомительна. Признаться должно, что никто изъ насъ, на самыхъ ли-

хихъ горскихъ лошадяхъ, никогда джайрана на быстромъ его бѣгу догнать не могъ, и травили мы собаками не иначе какъ уставшихъ и ослабѣвшихъ. Въ лѣсахъ находили мы много медвѣдей, барсовъ и даже иногда тигровъ. Никогда не забуду я одной большой сборной охоты нашей въ Кахетіи, не въ дальнемъ разстояніи отъ рѣки Алазана. Насъ собралось много штабъ и оберъ-офицеровъ и даже два генерала; явилось также много охотниковъ изъ солдатъ: они разсѣялись по лѣсу, чтобы шумомъ и крикомъ выгонять оттуда звѣрей. Между прочими одинъ, только что поступившій изъ рекрутъ, бывшій въ числѣ охотниковъ, подходя къ опушкѣ лѣса, услышалъ что въ одномъ огромномъ кустѣ что-то сильно зашевелилось и съ трескомъ коверкало сучья. Рекрутъ приложился изъ ружья своего и выстрѣлилъ на удачу; многіе изъ насъ услышали выстрѣлъ и въ слѣдъ за тѣмъ какой-то ужасный свирѣпый ревъ и рыканіе. Мы поспѣшили къ тому мѣсту, и что же увидѣли? Огромный тигръ, смертельно раненый рекрутомъ выскочилъ изъ куста, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы броситься и разтерзать его, но отъ разслабленія силъ не могъ сдѣлать сильнаго прыжка, и мертвый распростерся у самыхъ ногъ рекрута. Вотъ, сказали мы торжествующему охотнику, сбылась съ тобою пословица: Бей въ кустъ, виноватаго пуля отыщетъ. И въ то же время сдѣлали мы складчи-

ну, купили у него кожу тигра, съ тѣмъ условіемъ, чтобы бросить жребій, и кому изъ насъ достанется эта кожа, хранить ее въ память такого необыкновеннаго событія.

Зимою, стоя на кантониръ-квартирахъ на кавказской линіи, батальонъ мой былъ расположенъ въ двадцати верстахъ отъ бригаднаго начальника, бывшаго моего полковаго командира, который, какъ я прежде разсказывалъ, при самомъ вступленіи моемъ въ кавказскій корпусъ, по старинному его дружеству и знакомству съ отцемъ моимъ, обласкалъ меня и принималъ во мнѣ истинное, сердечное участіе.

Я получилъ отъ него записку, чтобы тотчасъ какъ можно поспѣшнѣе пріѣхать къ нему, по одному весьма важному дѣлу. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы могла такъ внезапно предстоять совершенная перемѣна въ моей жизни. Бригадный командиръ исходатайствовалъ, чтобы при производствѣ въ маіоры, я былъ переведенъ въ его бригаду, и послѣ того, при всякомъ назначеніи его начальникомъ какого либо отдѣльнаго отряда, бралъ онъ меня съ собою; это бывало очень часто; почему и въ теперешнемъ случаѣ думалъ я, что онъ назначенъ начальникомъ какой-нибудь новой экспедиціи, или, что мнѣ одному предстоитъ какая-нибуть командировка. Получивъ записку, я тотчасъ велѣлъ осѣдлать мою лошадь и поскакалъ къ нему.

Онъ встрѣтилъ меня съ мрачнымъ, унылымъ видомъ. «Я долженъ сообщить тебѣ очень и очень непріятную новость,» сказалъ онъ мнѣ. «Приготовся, любезный другъ, къ нежданному, тяжкому удару; вотъ прочти письмо, полученное мною отъ твоей матушки.»

Я взялъ письмо, и можно вообразить, до какой степени былъ я пораженъ извѣстіемъ, которое матушка просила бригаднаго командира передать мнѣ, не имѣя духу сама писать ко мнѣ прямо.

У меня было двое меньшихъ братьевъ, воспитывавшихся вмѣстѣ со мною въ корпусѣ; они были выпущены послѣ меня, за отличные успѣхи въ наукахъ, одинъ въ гвардію, а другой въ артиллерію. Отецъ мой радовался на дѣтей своихъ; о моей службѣ на Кавказѣ получалъ онъ хорошіе отзывы отъ бригаднаго моего командира, который сохраняя чувство благодарности къ отцу моему, былъ въ частыхъ съ нимъ сношеніяхъ. Добрый, почтенный старичекъ нашъ неоднократно писалъ, что дѣти его служатъ ему утѣшеніемъ на старости лѣтъ, что онъ помолодѣлъ и поздоровѣлъ, увѣрившись на самомъ опытѣ, что мы оправдали его ожиданія и вдругъ почти въ одно время, получилъ онъ извѣстіе, что средній братъ мой, простудившись, сильно занемогъ горячкою и въ нѣсколько дней умеръ, а меньшой братъ, купаясь утонулъ. Эти извѣстія, полученныя имъ вслѣдъ одно за другимъ, такъ

поразили старика, что съ нимъ сдѣлался ударъ: онъ лишился употребленія языка, и впалъ въ полное разслабленіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ. Матушка заклинала меня оставить службу и поспѣшить для успокоенія и услажденія послѣднихъ, можетъ-быть весьма не долгихъ дней отца; вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждала и собственно за себя, не покинуть ея, писала что по старости и слабости своей чувствуетъ она, что и ей остается не долго жить, и что ей очень и очень тяжко будетъ умереть на чужихъ рукахъ.

Какъ громомъ пораженъ я былъ, прочитавъ это письмо, облитое, какъ мать моя писала, горькими ея слезами. Добрый бригадный мой командиръ смотрѣлъ на меня съ истиннымъ, сердечнымъ участіемъ и состраданіемъ, а я какъ окаменѣлый сидѣлъ безмолвно съ поникшею головой и не могъ плакать. «Что дѣлать?» сказалъ онъ мнѣ, взявши съ чувствомъ мою руку: «Богъ послалъ тяжкое испытаніе на почтенныхъ твоихъ родителей, потерять однимъ разомъ двоихъ сыновей, которые обѣщали такъ много хорошаго, и на старости лѣтъ не имѣть никого при себѣ для утѣшенія и облегченія въ такой тягостной сердечной потерѣ. Что дѣлать? продолжалъ онъ, должно покориться волѣ Божіей. Ты остался одинъ у нихъ, и я твердо въ тебѣ увѣренъ, что ты нисколько не поколеблешся исполнить прямую, священную обязанность свою, послужить родителямъ твоимъ

на старости лѣтъ, чтобы хотя нѣсколько отблагодарить за любовь и попеченіе ихъ о тебѣ въ твоей молодости. Впрочемъ, толковать много нечего, ты самъ понимаешь и разсудишь, что тебѣ надобно дѣлать въ теперешнемъ твоемъ положеніи.» Я не могъ ничего отвѣчать; всѣ мысли и чувства мои были въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи.

Съ состраданіемъ смотрѣлъ на меня добрый мой начальникъ, и съ глазами полными слезъ, взявши меня за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «Не унывай, любезный другъ, не гнѣви Бога своимъ отчаяніемъ; покорись безропотно непостижимымъ судьбамъ Его.»

«Бѣдные, бѣдные старики мои! несчастные братья! погибнуть такъ внезапно и такъ преждевременно! Вы только что еще начинали жить, и какая прекрасная, блистательная будущность предстояла вамъ!» Я не могъ продолжать, голова моя кружилась, я чувствовалъ, что совсѣмъ задыхаюсь; но къ счастію слезы брызнули изъ глазъ моихъ и послѣ того могъ я свободнѣе вздохнуть.

Начальникъ мой бросился со слезами обнимать меня. Это прямое нелицемѣрное движеніе прекрасной души его, много способствовало къ уменьшенію тягостнаго пароксизма глубокой горести моей: слезы ручьемъ полились изъ глазъ моихъ и совершенно облегчили меня. Послѣ того могъ я уже хладнокровно разсуждать о томъ, что мнѣ

предстояло дѣлать въ настоящемъ моемъ положеніи. Тяжело, очень тяжело мнѣ было оставить службу. Я былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, служилъ чрезвычайно счастливо, успѣлъ пріобрѣсть хорошее мнѣніе главнокомандующаго и прочихъ моихъ начальниковъ, уваженіе и дружбу товарищей, привязанность и полную довѣренность моихъ подчиненныхъ, словомъ, мнѣ чрезвычайно нравились и жизнь и служба на Кавказѣ; но священная обязанность сына преодолѣла чувство честолюбія и всѣ другія соображенія: я рѣшился выйти въ отставку и ѣхать къ моимъ родителямъ, чтобы по возможности успокоить послѣдніе дни ихъ.

Добрый мой начальникъ подкрѣпилъ меня въ намѣреніи моемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я исполнялъ, какъ должно благородному и добросовѣстному человѣку, обязанности мои въ отношеніи къ отечеству, а теперь, по волѣ Божіей, предназначено мнѣ послужить моему семейству, и что самъ Богъ вознаградитъ и не оставитъ своею милостію добраго, почтительнаго сына. Онъ написалъ отъ себя къ главнокомандующему, по какимъ причинамъ долженъ я оставить службу, и послалъ съ нарочнымъ просьбу мою объ отставкѣ.

Главнокомандующій отвѣчалъ, что хотя ему очень прискорбно разставаться съ такимъ офицеромъ, но что причины, побудившія меня оставить службу, такъ уважительны, что онъ не

имѣетъ духа удерживать меня: однако же если обстоятельства мои перемѣнятся и я захочу опять вступить въ службу, то онъ съ распростертыми объятіями приметъ меня въ свой корпусъ. Вмѣстѣ съ-тѣмъ писалъ онъ, что просьба моя пойдетъ въ Петербургъ обыкновеннымъ порядкомъ, но что онъ очень понимаетъ нетерпѣніе мое поскорѣй ѣхать къ моимъ родителямъ, и для того посылаетъ мнѣ отпускъ на двадцать восемь-дней. Я отправился въ тотъ же день, когда получилъ мой отпускъ.

Много времени прошло послѣ всего этого, но до сихъ-поръ не могу я равнодушно вспомнить каково было мнѣ прощаться съ добрымъ, почтеннымъ моимъ начальникомъ, и въ особенности съ батальономъ моимъ.